

ЗЕМЛЯ ЛИШНИХ

АНДРЕЯ КРУЗА

ВЛАД ВОРОНОВ

ПОМЕЧЕННЫЙ НА УДАЛЕНИЕ

Мир «Земли лишних»

Влад Воронов

**Земля лишних.
Помеченный на удаление**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Воронов В.

Земля лишних. Помеченный на удаление / В. Воронов —
«Эксмо», 2020 — (Мир «Земли лишних»)

ISBN 978-5-04-107295-7

Навыки Влада Воронова, талантливого русского хакера, востребованы как никогда. Причём и на Старой, и на Новой земле. Очередное задание прошло на грани с провалом, и герою, чтобы отвести от себя подозрения, приходится изменить внешность. Но отдых Владу только снится. Ему предстоит распутать очень сложное дело. Некая контора организовала приют для детей-сирот, которых используют для трансплантации органов. В этом бизнесе задействованы очень могущественные силы, которые тщательно скрывают все схемы. И кто, как не хакер с талантами шпиона, сможет во всём разобраться?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107295-7

© Воронов В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Влад Воронов

Земля лишних. Помеченный на удаление

Часть первая

Мальчики и самолеты

– Давай, пройди еще разок пониже!

Сергея, оператор-стажер, двинул правый стик¹ пульта вперед и влево. Повинуясь команде, крохотный самолетик развернулся на противоположный курс, потеряв добрых полсотни метров высоты.

– Вот так?

– Да, молодец! Теперь держи ровно.

По экрану наземной станции снова поползли кусты и скрюченные деревья, изредка прерываясь нитками троп и языками каменных осыпей. Маленький беспилотник² передавал на удивление четкую картинку.

– Еще разок над обратным склоном вон той горки, и возвращайся.

Сергея кивнул, не отвлекаясь от пилотирования.

Шел пятый день войсковых испытаний разведывательного беспилотного комплекса «Совенок». Представитель КБ³ – разработчика Егор Мятин привез военным ящик с двумя маленькими дронами, наземкой⁴ и горой запчастей. Егор сразу был назначен в боевое патрулирование, получил в помощь и обучение автоматчика Серегу и уже почти неделю колесил с егерями по приграничным горам. Подготовка, запуски, ремонты, и снова подготовка, и снова запуски. Нормальная боевая работа. Помощник постепенно осваивался с управлением, оборудование изредка подглючивало, но чаще работало нормально. На то и испытания, чтобы проблемы выявлять. И решать их до запуска комплекса в серию.

Сейчас стажер отрабатывал полеты на малой высоте. Ближний склон лесистой горки был уже внимательно изучен, пришло время посмотреть дальний. Сергей чуть набрал высоту, перевалил гребень и резко снизился к поверхности. Четкая картинка на экране наземки сперва подернулась рябью, а потом и вовсе побелела.

– Вверх! Выше поднимай!

Егор послушно потянул правый стик на себя, но ничего не произошло. Картинка не появилась, и самолетик так и не показался над гребнем.

– Черт, камень экранирует радиосигнал. Над горами надо летать в зоне прямой видимости. Пошли докладывать.

Командир маневренной группы лейтенант Носов прекрасно понимал, что самолет новый, секретный и дорогой. Терять его очень не хотелось – устанешь отписываться. Поэтому лейтенант отложил разборки на потом, а сейчас выделил джип с пулеметом, двумя бойцами и сержантом и приказал быстрее отправляться на поиски. Перед этим заставил Егора навьючить на

¹ Стик (в данном контексте) – ручка управления авиамodelью или дроном. На пульте стиков обычно два. У самолетообразных аппаратов правый стик обычно управляет тангажем и креном, левый – рысканьем и газом, хотя возможны и другие варианты.

² Беспилотник, дрон – жаргонные наименования беспилотного летательного аппарата.

³ КБ – конструкторское бюро.

⁴ Наземка, наземная станция – оборудование, обеспечивающее управление беспилотником и получение разведанных. Для небольших аппаратов вроде упомянутого «Совенка» представляет собой подвешиваемый на живот ящик с откидной крышкой. На горизонтальной поверхности ящика расположен пульт управления, на крышке – экран, на который транслируется изображение с дрона с наложенной пилотажной и навигационной информацией.

себя не только автомат, но и разгрузку. Все остальные бойцы и так без оружия даже по нужде не ходили.

Место падения самолетика они представляли очень приблизительно. Чтобы иметь возможность запеленговать видеопередатчик дрона, Егор сменил на наземном пульте всенаправленную антенну-грибок на узконаправленную плоскую. Какое-то изображение вроде бы иногда появлялось, но видно было очень плохо, на уровне шумов. Оставалась надежда, что ближе к упавшему «Совенку» картинка улучшится. И что аккумуляторы еще поживут, не скиснут в ближайшие полчаса-час.

Где-то полпути удалось проехать, но потом лабиринт камней и невысокие кривые деревья перекрыли дорогу машине. Егор с Серегой в сопровождении сержанта выдвинулись в сторону коварной горки, водитель и пулеметчик остались у машины. Кусты стояли не очень плотно, поэтому пока удавалось идти, избегая царапин от острых листьев и шипов.

То, что на экране появилось какое-то изображение, Егор заметил сразу. Повернулся всем корпусом влево-вправо, заметил, куда смотрит антенна при самой четкой картинке, и задал бойцам новый курс.

Они прошли еще метров двести и оказались на небольшой полянке. Картинка перестала дрожать и двоиться. Егор внимательнее всмотрелся в экран... И подал бойцам знак остановиться.

«Совенок» передавал изображение какого-то кривого кинжала в ножнах на фоне чего-то пятнистого. Картинка качнулась. Кинжал исчез из виду, его место заняла бородатая физиономия в темной бандане. Широкоугольный объектив превратил портрет в карикатуру с огромным носом и крохотными глазками. Физиономия шевельнула губами, после чего пропала из кадра. Мелькнули фигуры нескольких человек в пятнистом и с автоматами, а потом появилось другое лицо, похожее, только борода светлая и длинная. И явно это лицо чем-то недоволено. Недобро выговаривает остальным, и вроде даже отголоски этого недовольства до слуха доносятся. И ответные голоса. Очень интересно, вот только микрофона на дроне нет.

Сержант первым понял, что это может означать. Он шагнул к Егору и произнес чуть слышно, прямо в ухо:

– Сложил эту штуку, достал автомат и залег вон под тем кустом между камнями. Тихо-тихо. И не отвечивай, что бы ни случилось. Кивни, если понял.

Егор кивнул. Медленно закрыл крышку наземки, перетянул тяжелый ящик за спину. Сдвинул вперед автомат. Как учили, тихо, без щелчка, сместил переводчик огня вниз. Внимательно оглядел землю на указанной позиции, опасных животных не обнаружил и улегся на живот. Сержант тем временем что-то бормотал в рацию. дождался ответа, кивнул и подал Сереге знак выдвигаться. Через мгновение егеря пропали из виду, Егор остался один.

Если бы его кто-то спросил в тот момент об ощущениях, ответа бы не получил. Не было особенного страха. Не было шапкозакидательского настроения и желания в одиночку победить всех врагов. Больше всего было... интереса, наверное. Случился в жизни новый поворот, и непонятно, как к этому относиться.

Минут пять ухо улавливало только гортанные голоса. Еле-еле, на грани слышимости. Раздавшиеся выстрелы на контрасте показались очень громкими. Сперва звучали только короткие быстрые очереди, но потом появились и пистолетные хлопки, и длинная, выстрелов на двадцать, очередь из чего-то басовитого. Опять короткие звонкие очереди, грохот гранаты... А потом наступила тишина.

И вот теперь Егору стало страшно. С каждой минутой этой тишины воображение рисовало все более жуткие картинки. Неведомые враги давно поубивали друзей и подкрадываются, зажав в зубах кривые кинжалы...

Почему в зубах, а не в руках или в ножнах, воображение объяснить не могло. Рациональная часть мышления отключилась полностью. Бежать, бежать быстрее, под защиту родного

«уазика» с пулеметом, или еще дальше, где не слышно выстрелов, не сыпется за шиворот поднятая взрывом земля и пули не втыкаются в дерево с противным тупым звуком. Вот только руки-ноги с перепугу словно отнялись и отказывались шевелиться.

Рациональное снова проснулось в голове и услужливо напомнило, что не просто так у хомосапиенсов первая реакция на страх – неподвижность. В отличие от тех же лошадей и прочих овец, которые сперва бегут, а потом снова бегут, и еще, пока не устанут до полусмерти. Видимо, далекие наши предки когда-то жили или на деревьях, или в горах, где непродуманное движение могло стоить жизни. Так что сперва оцени опасность, потом прикинь пути отхода и лишь потом беги. А еще у предков не было сержанта, который приказал лежать и ждать.

Егор пошевелил пальцами правой руки – двигаются.левой – тоже. Чуть шевельнулся, укладываясь поудобнее. Тело слушалось. Теперь, когда внезапный приступ паники прошел, горячей волной накатил стыд. А потом рациональное вернулось какой-то деловой злостью. «Собрался, боец! Сопли лить и рефлексировать будешь дома. А сейчас лежи и выполняй приказ. И не забывай по сторонам поглядывать, а то в этих кустах линии фронта нет, кто и откуда придет – неизвестно».

Потянулось ожидание. Уже испуганные стрельбой птицы снова расселись по веткам и вернулись к своим птичьим делам, уже крохотный олень вышел из-за валуна на дальнем конце полянки, шевельнул ушами и спрятался обратно. Егор почти не шевелился. Только изредка осторожно поворачивал голову, чтобы посмотреть назад и по сторонам. Птицы на ближних кустах на его движения уже не реагировали. Стал своим, сроднился с природой.

А вот двое, вышедшие на полянку, птиц напугали. Бородатые, одетые в разномастный камуфляж, они были неуловимо похожи друг на друга. Невысокие, поджарые, с резкими движениями. У ближнего перевязана нога выше колена, второй поддерживал его, закинув руку себе на плечо.

Чужие. Насколько Егор помнил инструктаж, в этих краях постоянных жителей нет. Только патрульные части Русской Армии и бандиты, шастающие через границу. А это значит... А это значит, что пора стрелять.

Вот только стрелять из-за укрытия по живым людям показалось Егору бесчестным. Он глубоко вздохнул и заорал, почему-то по-немецки: «Хальт! Хенде хох!»⁵ Но никто не остановился и рук не поднял. Наоборот, оба чужака ломанулись к ближайшим камням со всей возможной скоростью, после чего Егор счел себя свободным от обязательств.

Левая рука устойчиво упиралась в камень, автомат почти не уводило, поэтому парень высадил длинную очередь справа налево, целясь на уровне середины груди бегущим людям.

Ближнему бородачу, хромоту, прилетело очень сильно. Он рухнул вперед, как мешок с картошкой. Другой умудрился под пули не попасть и так рванул за камни, что Егор не успел второй раз прицелиться. А третий раз и не получилось – шустрый враг успел заметить, откуда его обстреляли, и открыл ответный огонь.

Егора спасло то, что он как раз перевернулся на бок, собираясь сменить магазин. Очень уж неудобно лазить в нагрудные карманы разгрузки, лежа на животе. Рядом противно завизжали уходящие в рикошет пули, воздух наполнился каменными осколками и пылью.

Егор отодвинулся еще дальше от той щели между камнями, где только что лежал, и попробовал высунуться с другой стороны. Снова грохот выстрелов, снова пыль и визг. За рукав куртки как будто кто-то дернул, ткань разлохматилась торчащими нитками. Враг поторопился. Знал бы, что за камнем не резкий профи, а обычный валенок-новобранец, медленно высывающий сперва плечо, а потом и голову, тут и сказочке конец. А так только куртку штопать.

Но положение незавидное. Враг цел, активен и очень хорошо и быстро стреляет. Рано или поздно он поймет, что против него воюет один-единственный салабон, и всё. Обойдет

⁵ Стой! Руки вверх! (нем.)

по флангу и расстреляет издалека. Чтобы с такими волчарами в кошки-мышки играть, нужно самому что-то уметь.

Додумать Егор не успел. Гулко грохнуло совсем рядом, в облаке пыли со скрипом рухнуло подсеченное взрывом дерево. Еле заметно кольнуло левую ногу ниже колена. По спине забарабанили камни и куски коры.

«Граната! Этот негодяй кинул гранату. Думал, что я попробую спрятаться от огня за вторым камнем. Любой разумный боец поступил бы именно так. А я чайник, потому и жив до сих пор. И у меня тоже есть гранаты. Должны быть, по крайней мере...»

Егор снова перевернулся на бок и нашарил в кармане на животе ребристую тушку. Разогнул усики, выдернул чеку и бросил лимонку вперед. Граната лязгнула о камень над головой и скатилась обратно. Парень снова схватил шипящую железку и кинул со всей дури, не столько вперед, сколько вверх.

Почти сразу шархнуло, громче, чем в прошлый раз, стегануло по кустам и траве. Егор снова высунулся из-за камня и почти уткнулся носом во что-то, больше всего похожее на кучу тряпья. Вонючую, в каких-то красно-коричневых потеках, и слабо шевелящуюся. Он заорал, откатился назад, попытался вскочить. Левая нога подкосилась. Егор грохнулся на бок, сел, упираясь руками. Нашупал повисший на ремне автомат и высадил остаток магазина одной длинной очередью. Куча дернулась напоследок и замерла.

Мятин сидел, не в силах отвести взгляд, пока не догадался. Куча тряпья, лежащая перед ним, – это человек. Человек, у которого за спиной разорвалась граната. Граната, которую он кинул только что. Стоило чуть опоздать – и он сам лежал бы такой кучей, а тот, другой, стоял бы над ним. Другой... Другой?

Егор осторожно выглянул. Бородач с перевязаной ногой так и лежал посреди полянки. Идти проверять пульс не хотелось. Из живого человека не может натечь столько крови. И мухи по живым не ползают. Будем надеяться, что мертв.

Один труп плюс один труп – два трупа. Врагов было двое. Стало трупов – два. Задача решена верно, с ответом сошлась.

Проведем разбор решения. Первого Егор уложил сразу насмерть, но сбил длинной очередью прицел. Поэтому второй успел спрятаться, прижал его огнем, оглушил гранатой и бежал добивать. И добил бы, скорее всего. Просто повезло. Повезло.

По левой ноге поднималась и нарастала боль. Он посмотрел на набухающую кровью штанину. Вспомнил, что надо бы перевязаться или хотя бы перетянуть ногу жгутом, чтобы не истечь кровью. Как там, в методичке, написано? У каждого бойца при себе имеется аптечка и жгут. Его аптечка лежит где-то в грузовике. И жгут там же. При отсутствии жгута можно использовать поясной ремень или ремень автомата. Или галстук, шейный платок, бандану...

Какая-то отрывочная мысль заставила снова перевести взгляд на человека, лежащего посреди поляны. Нога бывшего раненого была перемотана тряпкой со знакомым рисунком. Какой-то растительный орнамент с оттенками зеленого. Бандана Сереги.

Очнулся Егор от шума и звука голосов. Лежать было мягко, тепло и уютно, только не было сил даже приоткрыть веки. А голос где-то неподалеку все надрывался, перекрикивая гул турбин:

– Плохо, товарищи, очень плохо! Мы не можем, не имеем права допускать такие потери, разменивать на каждую мелкую бандгруппу двоих-троих своих бойцов. А если мы сейчас не доведем этого яйцеголового салабона? Его задача в КБ за кульманом сидеть, а не по зеленке с автоматом бегать!

Мелькнула какая-то отстраненная мысль, что яйцеголовый салабон – это он сам, и будет очень обидно, если его не доведут...

Сознание снова уплыло.

Егор Мятин рос, как миллионы других мальчишек. Ходил в школу, гонял мячик во дворе, читал книжки про приключения, летчиков и моряков. Строил самолетки в авиамodelном кружке и в итоге поступил в МАИ⁶, но на третий факультет⁷ вместо первого⁸, справедливо рассудив, что в самолетах все интересное давно придумано, а в автопилотах еще изобретать и изобретать.

Чем ближе к диплому, тем сильнее Егор задумывался – а что делать после института? Идти в КБ и разрабатывать автопилоты для настоящих самолетов не хотелось. Действительно творческой работой в больших организациях занимаются считанные люди, и стать одним из них очень непросто. А год за годом выполнять пусть важную, но рутинную работу – это не для него. Значит, нужно идти в небольшую контору. Или вовсе – открыть свою.

На последнюю мысль Егора натолкнул его приятель Макс. Тот звезд с неба не хватал, учился на твердые тройки, зато организаторскими способностями обладал просто выдающимися.

– Пойми, сейчас время такое, в моду вошли всякие дроны и прочие беспилотники. А что такое беспилотник? Это – авиамodelь с автопилотом. А кто у нас спец по авиамodelям? Ты. Кто спец по автопилотам? Тоже ты. И я немного, полторы головы лучше одной. А значит – что?

– Что?

– Нужно организовать свою фирму по изготовлению беспилотников. Пока из авиамodelных комплектующих, а там денжат поднакопим, свое производство заведем...

– Как деньги потратить, я и сам соображу. А как их заработать?

– Очень просто. Будем продавать дроны... Нет, будем продавать услуги дронов! Сдавать в аренду вместе с операторами.

– А где операторов возьмем?

– Ну ты же умеешь модели запускать? А я сумею найти заказчиков.

Как оказалось, у Макса какой-то родственник работал в государственной организации с непрозрачным названием, которая занималась учетом земель. И каждый год эта организация за бешеные деньги заказывала аэрофотосъемку каких-то участков местности.

– Насколько я помню, аэрофотосъемка – лицензируемая деятельность. И там есть масса требований и ограничений.

– Так в том и прикол, что они заказывают не официальную аэрофотосъемку, а, по сути, аэрофотографии. С соответствующим качеством и безо всяких документов. Так что мы справимся.

Егор задумался. У него, в принципе, был готов самолет как раз под такие задачи. Но не было денег купить спутниковый навигационный приемник, они тогда были безобразно дорогие.

– Ты уверен, что с нами захотят иметь дело?

– Захотят. Придется, конечно, немного поделиться, но денег под этот проект выделено достаточно. Хватит всем.

Егор прикинул радужные перспективы и дал себя уговорить. Так появилась на свет фирмочка «ЕМ Аэро». Ребята стали совладельцами, а Егор – еще и директором.

Первый эксперимент оказался успешным. Пришлось поколдовать и с алгоритмами управления, и с настройками фотоаппарата, да и сам летательный аппарат потребовал существенной переделки, но работу они сделали. И даже получили обещанные деньги, большую часть которых сразу пришлось отдать, но осталось тоже немало. На свою половину гонорара

⁶ Московский авиационный институт.

⁷ Системы управления летательных аппаратов.

⁸ Самолеты и вертолеты.

Егор купил начинку для второго самолета, а Макс – подержанный джип. Для рабочих поездок на природу. И девчонок возить.

Никогда не следует повторять удачный эксперимент. Не дай бог, все получится еще раз, и ты уверишься в своих заблуждениях.

Максу удалось найти еще десяток заказчиков, привлеченных низкой ценой предлагаемых услуг. Трое, правда, с порога затребовали лицензию на аэрофотосъемку, и тем разговор закончился. Еще двое отказали по другим причинам, один разорвал уже оформленный договор и отказался платить, но четверо оставшихся окупили все затраты. Друзья смогли арендовать офис и мастерскую, Макс поменял джип на более крутой, а Егор... Егор взялся учиться управлять настоящим самолетом.

Казалось бы – сбылась мечта! Но реальность, как это часто бывает, разошлась с ожиданиями. Удовольствие от полета здорово смазывалось необходимостью заранее подавать в Управление воздушного движения план полета и получать на него разрешение. В небе надо было соблюдать правила, избегать запретных зон и общаться с диспетчерами. Так что ощутить себя птицей и лететь куда хочешь не получилось. Хотя, с другой стороны, было очень познавательно изучить, как там все устроено, в большой авиации. И порадоваться, насколько все проще в маленькой.

В один прекрасный день Егор прилетел в офис как на крыльях.

– Смотри, что я нашел! Читай.

– Ну что, тендер на воздушный мониторинг. Требования, ага... Состав участников тендера... Сумма предполагаемого контракта... Нет, нам здесь не светит.

– Почему? Смотри, тут нужно не меньше трех выполненных за последний год аналогичных контрактов. У нас как раз три, и четвертый вот-вот закроют! Зато прикинь, сколько денег получим! Поделится с кем надо, конечно, но останется все равно много!

– Ты видишь вот этого участника? ЗАО «Универсал». Ни разу не слышал? Если поднять большинство денежных тендеров с невнятными условиями за последнее время, они практически все их выиграли. Это явно чья-то подставная конторка. Кто там с кем должен делиться, уже давно решено. И нас в той схеме нет. Если тебе так хочется поиграться в эти игры для больших мальчиков, можем попробовать, конечно. Победить не победим, но засветимся у нужных людей и в следующий раз не будем выглядеть белыми воронами.

– Да ладно тебе, у нас неплохие шансы!

– Угу. Бодался теленок с дубом...

Несмотря на пессимизм Макса, ребята впряглись и подготовили конкурсные документы. И даже прошли во второй тур, совместно с ЗАО «Универсал», как и предполагал разбирающийся в бюрократических тонкостях бизнес-партнер Егора.

А потом... Потом случилось странное. В последний день конкурса внезапно приехала какая-то то ли комиссия, то ли выездная проверка и нашла какие-то проблемы с документами у прикормленной фирмочки. И Егор с Максом выиграли тендер.

Макс, кстати, на это заседание комиссии не пошел. Был уверен, что шансов все равно нет. Егор в одиночестве вышел на улицу, полный радужных надежд, и тут к нему подвалили двое хватких ребят в дорогах костюмах.

– Мы предлагаем пять процентов. Но сделать все нужно быстро.

– Вы сейчас о чем?

– Ты что, дурачок? Контракт оформляется на твою конторку, ты получаешь свои пять процентов и свободен.

– Но как же? Мы планировали выполнять контракт, у нас есть все необходимое оборудование, персонал и компетенции. Может быть, будем работать совместно?

– Парень, ты не врубаешься. От тебя сейчас потребуется только поставить подписи на нужных бумагах и получить свои денежки. Все остальное мы сделаем сами.

– Но этот контракт очень важен для нашей молодой, развивающейся организации...

– Это ты сейчас торгуешься так? Не пройдет, ставка фиксированная. Или действительно не понимаешь?

– Я не желаю участвовать в ваших странных схемах! Это наш контракт, мы его честно получили и честно выполним. Больше разговаривать не о чем. Прощайте!

– Ой дурак... Ну смотри, тебе жить.

На следующий день у фирмы «ЕМ Аэро» заблокировали расчетный счет. Банк счел какой-то платеж подозрительным, обещал разобраться после предоставления документов. Общего списка требуемых документов не присылали, запрашивали по одной бумажке и через пару дней просили следующую. Тут же начались звонки из разных инспекций и ведомств. Егора клеймили как проклятого эксплуататора, не выплачивающего вовремя зарплату сотрудникам, отмывателя преступно нажитых доходов и финансиста террористов. О чем было написано множество жалоб и заявлений во все возможные инстанции, в том числе и в прокуратуру. Органы немедленно отреагировали и возбудили дело.

Из наемных сотрудников в фирме был только ночной сторож. Попытались с ним договориться полюбовно по поводу якобы невыплаченной зарплаты, но найти его не удалось. Родные сказали, что старикан уехал на все лето на рыбалку в те края, где не работают мобильники.

Дальше Егора начали вызывать в различные инстанции и мытарить душу по поводу нарушения трудового законодательства. Попытки объяснить, что с заблокированного счета невозможно платить зарплату, к успеху не привели. Пока не разберешься с банком и не выплатишь все долги, счет не разблокируют. Заплатить наличными тоже нельзя, потому что официально кассы в организации нет. Новый счет открыть нельзя, потому что в отношении организации открыто дело.

И еще множество скорбных знаний постиг молодой предприниматель за эту неделю. В пятницу его вызвали в прокуратуру, вывалили очередную порцию угроз и пригрозили подпиской о невыезде.

Вечером Егор напился. Позвонил Макс и попросил приехать.

– Я подумал... Пожалуй, ты был прав. Честным путем здесь ничего не добьешься. Нужно позвонить тем людям и сказать, что я согласен.

– Я звонил. Извини, что без твоего разрешения. Они ответили, что все равно придется устраивать повторный тендер, поэтому мы им больше не интересны. А то, что сейчас с нами происходит, – от них прощальный привет. Чтобы в будущем мы не лезли в серьезные игры взрослых мальчиков. Или, если уж лезем, чтобы играли по правилам.

– И что делать? Мне в тюрьму не хочется. Ты-то просто совладелец, с тебя взятки гладки, а я директор...

– Я бы советовал пересидеть несколько лет в какой-нибудь глуши. Сроки давности по экономическим преступлениям короткие. А я тем временем попробую со сторожем решить вопрос. Если удастся его уговорить забрать заявление, ты снова станешь чист перед законом.

– А где пересидеть-то? У меня даже загранпаспорта нет.

– Кто-то у меня недавно интересовался как раз автопилотчиками. Поищу. Там вроде загранпаспорт был не нужен. И при этом глушь глухая, здешние прокурорские туда точно не дотянутся. Вроде что-то военное.

Макс достал мобильник и ушел на балкон. Вернулся минут через пятнадцать.

– Они готовы тебя взять. Но собираться нужно быстро, отъезд завтра с утра. Сказали, что пришлют грузовик за оборудованием. И грузчиков.

– За каким оборудованием?

– А работать там, на месте, ты как собираешься? Голыми руками? Надо полностью вывезти мастерскую, пока ее не арестовали. Так что давай, собирай шмотки. Климат там жаркий, тулуп не потребуется.

- Прямо сейчас? Соберемся и в мастерскую?
- Сейчас. Соберемся, к нотариусу и в мастерскую.
- А к нотариусу зачем?
- Как зачем? Напишешь на меня доверенность на распоряжение твоей половиной фирмы.

Иначе довольно сложно будет за расчетный счет судиться.

- А... Ты разве со мной не поедешь?

– Нет, конечно. Кто-то же должен здесь твое честное имя восстанавливать и наши деньги у этих негодяев обратно забирать? И с последнего нашего заказчика итоговый транш страсти, а то прослышал, сволочь, про наши затруднения, и честно заработанные денежки придерживает.

- Макс...

– Не благодари. Поехали быстрее, а то эти нотариусы и так по ночам тройной тариф лупят, а если мы опоздаем, то и вовсе не расплатимся.

Потом были сумбурные сборы на съемной квартире, подписывание каких-то бумажек в темном офисе в глубине арбатских переулков, адская возня по демонтажу станков и приборов. По счастью, те двое, что приехали на «Урале» с манипулятором и представились Петром и Павлом, без дополнительных просьб впряглись в работу. А в кузове оказалось достаточно пленки, досок, пенопласта, гвоздей и вязальной проволоки, чтобы все тяжести разместить и закрепить. Последнее, что отложилось в памяти до того, как Егор провалился в сон, – странная фраза Макса:

- Удачи на Новой Земле!

Интересно, при чем тут Новая Земля, если сказали не брать теплые вещи?

Проснулся Егор оттого, что яркое солнце резануло по глазам. Тело в аскетичной кабине «Урала» затекло, руки и ноги кололи миллионы маленьких иголочек. Во рту словно кошки нагадили, причем кормили тех кошек накануне явно не «Вискасом».

Грузовик, порывкая, выехал из железных ворот какого-то здания, похожего на гараж. Ворот было много, то из одних, то из других выезжал очередной автомобиль. В основном – грузовики или джипы. Регулировщики в песочного цвета военной форме с автоматами на груди расставляли машины по здоровенной парковке. Парковка была окружена высоким бетонным забором.

Один из регулировщиков встал на подножку и заглянул в кабину «Урала».

– Добро пожаловать на Новую Землю. Если у вас есть неопечатанное оружие, советую его опечатать прямо сейчас. Нахождение на территории базы с оружием разрешено только резидентам. Подготовьте ваши документы и проходите на иммиграционный контроль.

Он махнул рукой в сторону здания в дальнем конце стоянки и направился к следующему грузовику.

- Жарковато для Новой Земли, вы не находите?

Немногословные спутники Егора переглянулись.

- Парень, ты что, не в курсе, куда попал?

– Ну... мне предложили здесь работу по специальности. Просто там у меня... это...

– Здесь практически у всех там – «это», в том или ином виде. А куда ты ехал – что, не интересовался?

– Полигон какой-нибудь. Владимировка, Капустин Яр, Ашулук. Для Новой Земли уж больно жарко, на тех широтах даже летом солнышко не такое злое. И кстати, как мы здесь оказались? Я проспал перелет? Мы на аэродроме?

– Дать бы в морду твоему вербовщику, что ничего тебе не рассказал, да только уже не получится. Ладно, пойдем оформляться, а то я все сиделки отсидел. «Урал», конечно, машина хорошая, но беспощадна не только к бездорожью, но и к собственному экипажу.

За дверью с надписью «Иммиграционный контроль» оказалось просторное помещение со стойкой в глубине, как в холле гостиницы. И, словно в гостинице, стояла немаленькая очередь желающих этот самый контроль пройти. Петр вздохнул:

– На улице все равно ни тени, ни кондиционера. Предлагаю здесь подождать. Опять же, сортир в наличии.

Павел молча кивнул, Егор тоже. И поспешил к двери с долгожданной надписью WC.

Перед девушкой-регистратором парень предстал уже умытым и проснувшимся.

– Добрый день. Ваш АйДи, пожалуйста.

– Паспорт? Вот, держите.

Барышня скривилась.

– Вам еще не изготовили АйДи-карту?

– Нет. Я даже не знаю, что это такое.

– Тогда пройдите в дверь справа с рисунком фотоаппарата, сфотографируйтесь и возвращайтесь сюда. Следующий.

Егор прошел и вернулся обратно, пытаясь проморгаться после вспышки.

– Какое имя и фамилию указывать?

– Егор Мятин. А что, можно поменять?

– Мне без разницы. Ваша прежняя жизнь осталась за ленточкой. Хотите оставить прежние данные – оставляйте. Не хотите – можете назваться хоть Жан-Жаком Руссо. Единственное ограничение – в имени и фамилии разрешены только буквы. Латинские. Цифры и спецсимволы запрещены.

– Я вроде не певичка из кабаре, чтобы под псевдонимом выступать. Пишите Egor Myatin.

– Хорошо.

Регистраторша пощелкала кнопками компьютера и через полминуты положила на стойку еще теплый пластиковый прямоугольник размером с банковскую карту. Чуть опухшее лицо на фотографии, имя латиницей, длинный номер, штрих-код, картинка с глазом в пирамиде на обороте. Все это под слоем голографических защитных наклеек.

Пока Егор рассматривал карточку, барышня затараторила как пулемет:

– Это АйДи – ваш основной здешний документ. Он же дает доступ к вашему счету в Банке Ордена. Вот вам «Памятка переселенца» – она содержит всю необходимую информацию для недавно прибывших. Дополнительные книги, часы, карты можно приобрести у моей коллеги в окошке номер два. Там же и дополнительная информация. Оружие можно купить в арсенале. Вам необходимо посетить врача и получить необходимые прививки – это та дверь по коридору с красным крестом. Добро пожаловать на Новую Землю! Извините, у нас сегодня очень много посетителей.

И перевела взгляд за спину Егора:

– Следующий!

Через пятнадцать минут мужчины вышли на улицу, в духоту парковки. Егор с трудом сдерживался, чтобы не чесать свежеуколотую местными эскулапами лопатку.

Возле грузовика их ждал молодой парень в военной форме, с портфелем в руке.

– Братья Ивановы и Мятин?

– Они самые.

– Очень приятно. Я лейтенант Сигаев. Вчера и сегодня прибывает много наших, мы формируем колонну для совместного движения в Демидовск. Вы прошли все формальности? Документы, прививки?

– Да.

– Отлично. Тогда запоминайте. Ваш номер в колонне – семнадцатый. Рация в машине есть?

– Нет. В спешке собирались.

– Тогда и не заморачивайтесь. На время движения колонны выдам уоки-токи⁹. Сбор колонны завтра в семь утра на площадке перед КПП.

– То есть ночуем здесь?

– Да. После перехода и прививок вам надо поспать по-человечески. С базы выгоняют не сразу, но больше трех дней провести не дадут, разве что заболеешь.

– А где здесь можно переночевать и поесть?

– Есть общага для переселенцев, где то ли недорого, то ли вовсе даром, не знаю. И есть мотель, там покруче и подороже, но сейчас все забито, очень большой поток переселенцев. Но лучше вам у местных спросить, я сам стараюсь в мотеле останавливаться и есть там же.

– А деньги наши здесь принимают?

– Здесь свои деньги. А вам что, не сказали?

– Нет, девочка торопилась очень, народу много.

– Деньги здесь вот такие, пластиковые, с кредитную карточку размером. Эсю называются. Бедным переселенцам выплачивают подъемные, но вы на своей машине, поэтому под эту категорию не попадаете. Заленточные деньги можно поменять в Банке Ордена, вон та дверь. Хотя и по хреновому курсу, но на Новой Земле вам доллары с рублями точно не понадобятся.

– А они карточки принимают?

– Заленточные? Не знаю точно. Могут и принимать, под грабительский процент. Но как вариант – могу сейчас выплатить часть подъемных.

– Каких подъемных?

– Вам как целевым переселенцам от Протектората Русской Армии полагаются подъемные и бесплатная доставка на нашу территорию. Горючее для машины, питание в дороге и защита. Подъемные обычно выплачивают по прибытии на место, вроде как на обустройство. Но часть могу выдать сейчас, у меня есть полномочия.

– Договорились. А про какой арсенал нам твердила девушка на контроле?

– В этих краях бандиты иногда... Пошаливают, точнее не скажешь. Нападают на одинокие машины, грабят, убивают. Соответственно, здесь разрешено владение оружием, почти без ограничений. Идешь в магазин, покупаешь и используешь. А на базе большой арсенал, они продают старое советское оружие.

– Что, и «калаш» можно купить?

– Можно. Только не советую. Охрана у нашей колонны отличная, а на месте казенное оружие выдадут. И охота деньги тратить?

За ужином тяпнули «за приезд», потом Егор отправился изучать «Памятку переселенца». Узнал, что попал в параллельный мир, что обратной дороги нет. Понял, почему братья советовали набить вербовщику морду. Хотя... Вдруг Макс и сам не знал, что Егор не вернется? Или знал? Фактически от отъезда Егора приятель ничего не выигрывал. Ну, получил право распоряжаться фирмой-банкротом, что с того радости? Нет, определенно Макс хотел помочь. Просто не знал всего. И не его вина, что так вышло.

Егор заснул, вновь поверив в человечество. И снилось ему, что родители еще живы, что они радуются за сына и желают удачи на новом месте.

Дорога в Демидовск, столицу территории под Протекторатом Русской Армии, оказалась долгой, нудной и противной. Поначалу было интересно глазеть по сторонам на незнакомые пейзажи и экзотических зверей. Но четырехрогая антилопа в полусотне метров – это «вау» только в первый раз. На второй это просто «антилопа», на десятый «коза рогатая», а на тысячный – «только бы эта овца тупая, как в прошлый раз, под машину не прыгнула, а то придется снова колеса отмывать».

⁹ Walkie-Talkie – карманная радиостанция короткого радиуса действия.

Со скуки делились друг с другом подробностями биографии. Братья приехали из какого-то маленького поселка в Нечерноземье. Когда младший, Павел, вернулся из армии, старший, Петр, уже пристроился в Москве. Занимался скупкой и перепродажей металлолома и взял брата в напарники. Жизнь была нескудной, но не настолько яркой, чтобы стать короткой. Начало двухтысячных братья встретили владельцами налаженного дела, нескольких грузовиков и склада в Подмоскovie. Семьями не обзавелись, женщины что у одного, что у другого надолго не задерживались.

А потом их нехитрый бизнес отжала одна вконец обнаглевшая преступная группировка. Остались живы, но из имущества уцелела только рабочая одежда, содержимое карманов да этот вот «Урал» с «ручкой». И визитка вербовщика, который пару раз делал к братьям безуспешные подходы. Тогда вроде не было особой необходимости уезжать, а тут вдруг появилась. Но их вербовщик хотя бы обеспечил полной информацией, поэтому здешние порядки и невозможность возврата Петром и Павлом воспринимались философски. Видели очи, что покупали. То есть видеть не видели, конечно, но догадывались.

Дорога заняла почти две недели. Три десятка машин вытянулись длинной пыльной змеей. В основном грузовики, но были и джипы, от «уазика» до «крузака», и пара легковушек, и японские полноприводные микроавтобусики. И даже автобус «ПАЗ» в деревенской комплектации, высоко задранный и на зубастых колесах. Колонну непосредственно охраняли четыре БТРа, еще пара то уезжала вперед, то соскакивала с дороги и уносила куда-то в степь. Пару раз где-то вдалеке раздавалась стрельба, из выданной Сигаевым рации доносился сигнал «Тревога», довольно быстро сменявшийся отбоем этой самой тревоги. Похоже, окрестные бандиты сравнили возможный доход от захвата машин с возможными потерями от огня двенадцати пулеметов, и такой баланс им не понравился.

Большинство ночевок проходило либо в городах, либо в фортах-заправках, как их здесь называли – этаких оазисах цивилизации на местном фронтире. Помимо собственно заправки, в таких местах можно было спокойно переночевать под защитой высоких стен и пулеметов на вышках, можно было вкусно поесть и принять душ. И выспаться на настоящей кровати с чистым постельным бельем.

А вот нечастые ночевки в степи особенным комфортом не отличались. Нет, конвойные честно обеспечивали всем необходимым для ночлега на природе, и охраняли всю ночь, и на ночевку становились там, где были дрова и вода. Но спать на жестких ковриках, когда за тонкой тканью палатки во всю мощь звучит хищная ночная саванна, было несколько... неудобно.

Кроме того, Егора, как молодого и не занятого вождением и охраной, откомандировали в помощь отрядному повару. В кузове одного из грузовиков была установлена полевая кухня, в которой кругленький Василь Михалыч с колпаком на лысой голове умудрялся готовить прямо на ходу, обеспечивая конвой горячим питанием трижды в сутки. Запас продуктов разнообразием не блистал, но повар умудрялся из консервов, сублимированных мяса и рыбы, сушеных овощей, макарон и какой-то незнакомой крупы готовить вкусное и питательное варево. И даже вкус повторялся нечасто, благо всяких приправ, травок, корешков и соусов он запас достаточно. Ну а Егор помогал по мере сил, причем не столько с готовкой, сколько с мытьем котлов и кухонной утвари. Тарелки каждый мыл сам.

Повар временами ворчал себе под нос:

– Не повезло в этот раз с начальником колонны. Так-то он мальчик неплохой и толковый, но уж больно правильный. Я больше с Косолаповым люблю ездить. И сам поохотиться любит, и подчиненным разрешает. А из свежего мяса жаркое, оно не из этой сушеной подошвы, оно вкусное. Правда, движемся быстро и без проблем, этого не отнять.

Постепенно степь сменилась каменистыми предгорьями, предгорья развернулись в широкую зеленую равнину. Дважды парами пересекали немаленькие реки. Населенные

пункты встречались все чаще, вдоль дороги потянулись пастбища и обработанные поля. Движение стало весьма оживленным, раз даже попали в некое подобие пробки.

А дальше на горизонте снова замаячили горы, пастбища и поля сменились вполне индустриальным пейзажем. Очередной КПП, улица между аккуратных двухэтажных домиков, площадь с памятником. Часть колонны отделилась еще до въезда в город, остальные остановились здесь.

Прибыли.

Не успели толком вылезти из кабин и разогнуться после длинного последнего перегона, как к колонне начали подходить «покупатели». Выкрикивали конкретные фамилии, а чаще профессию или название предприятия, собирали в группу и везли размещаться.

К Егору начальник колонны подвел высокого старика с густым ежиком коротко стриженных седых волос. Рубашка с коротким рукавом, просторные легкие брюки и сандалии, как носил Егоров дед летом. Привет из шестидесятых, а то и из тридцатых.

– Добрый день! Меня зовут Николай Николаевич Красовский, я руковожу... одним направлением здесь. А вы, как я понимаю, Егор Мятин?

– Да, здравствуйте.

– Вы готовы работать по специальности?

– Конечно. Я больше ничего и не умею.

– А и не надо. Водить броневики или стрелять из автомата, как эти прекрасные молодые люди, у нас есть кому. А вот наша с вами профессия, увы, здесь непопулярна. Вы что заканчивали? П-1¹⁰?

– Нет, триста первую¹¹.

– Так даже лучше. Поедьте, я покажу вам нашу территорию.

В разговор вклинился лейтенант Сигаев:

– Николай Николаич, сажаете Мятин к себе и везете на место. Ивановы, едете за ними, там разгружаете оборудование. Доставка, погрузка и разгрузка будут оплачены, как договаривались. Далее определяйтесь с местом работы и, соответственно, жилья. Отдел трудоустройства у нас вон в том здании на втором этаже. Все понятно?

– Так точно.

– Счастливого пути!

– Спасибо!

И лейтенант убежал дальше руководить своим беспокойным хозяйством.

Красовский усадил Егора в серую «Ниву» и повез «показывать территорию». «Урал» братьев аккуратно катился следом.

Городок неожиданно оказался достаточно протяженным. По сторонам мелькали двухэтажные дома. Построены они были не вплотную, каждый окружен полоской земли.

– Почти весь город так застроен. В центре есть, конечно, дома побольше и каменные, но под жилье стараемся строить деревянные.

– Такое впечатление, что они одинаковые?

– Так и есть. Почти. Домостроительный комбинат выпускает комплекты четырех основных проектов. Зато собирается все меньше чем за неделю. Нет, кто хочет странного, может строиться и сам, но это и дольше, и дороже. В основном народ отделкой да краской индивидуальность проявляет.

– Всего неделя? А подготовка? А коммуникации?

– Ну ты не забывай, что настоящей зимы здесь не бывает. Фундаменты и трубы на двухметровую глубину закапывать не надо. Вдобавок вся подготовка делается заранее. Намечают

¹⁰ Название кафедры «Автоматические системы управления» МВТУ им. Баумана в 60–80-е годы XX века.

¹¹ Кафедра «Системы автоматического управления» Московского авиационного института.

новую улицу, сразу нарезают участки, строят дорогу и подводят коммуникации. А потом просто человек получает участок под строительство, выбирает проект... И через неделю вселяется.

– Невероятно!

– А ты как думал! Что бы там ни говорили про социализм, но положительный эффект от государственного планирования налицо. Главное, вовремя остановиться и не погрязнуть в мелочах.

– Приятно, что дома на земле стоят.

– Это да. Картошку выращивать не выйдет, но пару клумб с цветами разбить и пяток яблонь для тени высадить – запросто. Опять же, будет куда машину ставить, чтобы улицу зря не занимать. Кстати, обратил внимание – заборов не видно?

– Как в деревне у бабушки.

– Да, запретили в жилом секторе высокие сплошные заборы. Или сетку ставь по грудь, или штакетник. А еще лучше изгородь живую. Но если хочется самому себе тюрьму построить – покупай землю за городом и хоть Бастилию возводи.

Так, за разговорами, они неспешно добрались до места. Аккуратные жилые домики кончились, по сторонам дороги потянулись склады, цеха и прочие промышленные сооружения. «Нива» свернула с дороги в проулок и остановилась возле железных ворот в высоком бетонном заборе.

– Да, в промзоне заборы разрешены. И даже обязательны – требования режима. Я сейчас договорюсь, чтобы разрешили разгрузить ваше оборудование на территории.

До сегодняшнего дня Егор был уверен, что самое тяжелое в жизни – разгружать и таскать тяжелые железяки. Он ошибался. Едва Николай Николаич попытался провести Егора внутрь и показать новое место работы, немедленно рядом появился начальник охраны. И сказал, что сперва оформление документов, а потом все остальное. После чего остаток дня Егор заполнял анкеты, ставил подписи, выслушивал инструктажи и делал еще массу привычных советскому человеку, но новых для молодых россиян важных дел. И только под вечер, показав вахтеру на входе новенький пропуск, получил возможность осмотреть «ОКБ-17» изнутри.

Больше всего предприятие напоминало... авиамodelьный кружок. Или, скорее, провинциальный планерный кружок тридцатых годов, как на старых фотографиях. То есть работали там взрослые люди, занимались вроде бы серьезными делами, энтузиазма хоть отбавляй, но неистребимый налет любительства был виден невооруженным глазом.

В цеху были расставлены самолетики разной степени собранности. Конкурс моделей-копий. Что-то по мотивам яковлевской «Пчелы»¹², туполевского «Рейса»¹³, несколько «рам» разного размера с толкающим винтом либо с двумя моторами в мотогондолах. И, на сладкое, обычный мультиплексовский пенопластовый «Изистар», что лежит в каждом модельном магазине в любой стране мира.

– А это-то как здесь оказалось?

Николай Николаевич смутился.

– Здесь тоже есть свой Израиль, и они пытаются заниматься тем же, чем занимались за ленточкой. В частности, беспилотниками. Но то ли им не разрешили сюда тащить современные технологии, то ли слишком дорого тут организовывать высокотехнологичное производство... Короче, здесь они продают эти поделки типа «собери на кухне за вечер». Как авиамodelь для начинающего это идеальный самолет. Летит устойчиво, управляется легко. И даже камера с видеопередатчиком там есть. Чисто формально – это настоящий ДПЛА¹⁴, но даже близко не военный. Мы купили один, на пробу, и вот лежит. Будущих операторов будем готовить.

¹² «Пчела-1» – разведывательный БПЛА разработки КБ Яковлева.

¹³ «Ту-143» «Рейс» – разведывательный БПЛА разработки КБ Туполева.

¹⁴ ДПЛА, дистанционно пилотируемый летательный аппарат – беспилотник, управляемый пилотом, сидящим на земле или

– А вообще, какие наработки, проекты? Какие компоненты используются?

– Нам пока задачу поставили очень общую – понять, что мы можем, чего не можем. И подготовить все к началу разработки. С нас потребуют аппараты нескольких размеров. Как дистанционно управляемые, так и автономные. От тактического звена – посмотреть, что там, за сопкой, до стратегической разведки.

– Будем делать «SR-71»¹⁵?

– Было бы неплохо, но увы. Все утыкается в двигатели. Экспериментируем с модельными ТРД¹⁶, но они керосин жрут, как не в себя. Над летным полем пять минут покрасоваться – горючки хватает, а куда-то слетать по делу – уже нет.

– Да, модельные движки в этом плане – не фонтан. А не получится найти движок от крылатой ракеты? Вроде там «X-55»¹⁷ снимали с вооружения, вдруг удастся добыть?

– Поскольку всё, что мы сюда заказываем из-за ленточки, идет через Орден, а ему наше усиление как нож острый, то нет, не можем. И кто тебе сказал, что их снимают? Модернизируют – да, это есть. А старые ракеты, у которых ресурс подходит, отстреливают на учениях. Всё лучше, чем в металлолом.

– Можно еще вопрос? А против кого мы все это строим? С кем собрались воевать?

– У нас здесь один глобальный противник и конкурент – Орден и его сателлиты. И еще множество банд, нанятых и вооруженных на орденские деньги.

– Господи, и здесь холодная война?

– Увы, Егор, увы...

– Ладно, с реактивными движками никаких перспектив. А с поршневыми что?

– С ними получше. Пока наладили выпуск бензинового одноцилиндрового на пятьдесят кубиков. В планах – двухцилиндровый оппозитник на сто кубов.

– Целиком сами делаете?

– В городе есть заводик, скорее мастерская, выпускает движки для велосипедов и мопедов. Так что картеры льем сами, а все остальное берем у них. Понятно, что дорабатываем коленвал и карбюратор, магнето заменяем электронным зажиганием, генератор ставим для питания электроники в длительном полете. Получается неплохо. Удельная мощность невелика, но зато в полный рост надежность и ремонтпригодность.

– Электроника?

– Здешние китайцы помогают. И сервомеханизмы, и видеокамеры, и микроконтроллеры, и приемники-передатчики всех нужных частот. И, естественно, провода, разъемы и прочая мелочовка. В основном везут из-за ленточки, что-то делают здесь, зато широчайшая номенклатура и любые объемы. Дело за малым. За алгоритмами управления.

– Так вроде все давно придумано. И даже есть вполне разумно сделанные модельные автопилоты. Я пользовался – летают нормально.

– Навигация, Егор. Навигация.

– А в чем проблема? Неужто не смогли спутники запустить?

– Проблема номер раз. Посмотри по сторонам. У нас сейчас здесь уровень жизни – где-то шестидесятые годы двадцатого века на той Земле. То есть живем без особых излишеств, но и не голодаем. Если мы сейчас начнем свою космическую программу – останемся без штанов. А железного занавеса нет. Люди просто разбегутся.

в другом летательном аппарате. Этим отличается от БПЛА, который управляется автономно, обычно по заданной программе.

¹⁵ «SR-71» – высотный скоростной пилотируемый разведчик разработки «Локхид». Ему принадлежат несколько не побитых до сих пор рекордов скорости.

¹⁶ ТРД – турбореактивный двигатель.

¹⁷ «X-55» – советская крылатая ракета воздушного базирования.

– Зачем свою? Выписать сюда готовые ракеты из-за ленточки, как вы говорите. Тот же «Тополь»¹⁸ сейчас с вооружения снимают, а ему даже пусковую строить не надо.

– На первый раз спишем на усталость после долгой дороги и растерянность. И незнание местных условий. Но если снова ляпнешь, не подумав – из конструкторов разжалую в слесаря. Инженер должен головой работать.

Егор промолчал. Услышать такое было обидно.

– Не обижайся. Сейчас объясню. На какую орбиту запускают навигационные спутники?

– На высокую. Чуть ниже геостационарной.

– Высоту ее помнишь?

– Порядка двадцати тысяч километров. Плюс-минус.

– Где-то так и есть. Скорость орбитальная там поменьше первой космической, но на такую высоту полутонный спутник загнать – нужна очень хорошая энергетика. «Протон»¹⁹, семьсот тонн на старте, выводит три навигационных спутника махом. Трехсоттонный «Союз»²⁰ – один. И это жидкостные ракеты, у них выводимые веса вдвое лучше, чем у твердотопливных той же стартовой массы. Так что у твердотопливного сорокатонного «Тополя» предел – полтонны на низкую околоземную орбиту, разве что простенький фоторазведчик запустить. «Союз», для сравнения, выводит туда же семь тонн. А «Протон» – двадцать.

– Так что, получается, «Тополь» на высокую орбиту может вытащить всего килограмм сто?

– Теоретически, с точки зрения небесной механики – да. А практически – нужен специальный разгонный блок. На боевой ракете такого нет, там ступень разведения под другое заточена. Так что нам для запуска понадобится... Загибай пальцы.

Егор послушно выставил перед собой открытую ладонь.

– Первое. Надо найти списанный, но исправный боевой носитель достаточной мощности. Притом что они все внесены во все возможные договора и старательно пересчитываются американскими инспекторами. И после этого не изничтожить его прилюдно с киносъемкой и подписанием акта, а увезти в неизвестном направлении. Вот весело будет российским властям с американцами объясняться!

Второе. Надо договориться с Орденом, чтобы они пропустили сюда этот самый стратегический носитель. Со всеми вытекающими потенциальными опасностями для Ордена от наличия у нас такой железки.

Третье. Нужно где-то добыть разгонный блок для спутника. Их тоже всем желающим не продают. И самим сделать не получится, таких технологий у нас тут нет.

Четвертое. Нужно где-то добыть навигационный спутник. По поводу возможных проблем – смотреть предыдущий пункт.

Пятое. Нужно все это разумным образом собрать и запрограммировать. Притом что алгоритмы расчета полетных заданий в любой стране мира обвешаны грифами секретности, как барбоска репьями.

Шестое. Надо это безобразия запустить, контролировать полет, при необходимости корректировать траекторию и подорвать, если что-то пошло не так.

Седьмое. Надо построить наземный центр управления спутниками со всей инфраструктурой.

И восьмое, самое главное. Первые шесть пунктов надо будет повторить двадцать четыре раза. Минимум. Не уверен, что даже у Ордена хватит упертости и денег на такое. Еще будут вопросы, почему здесь нет и в ближайшее время не появится спутниковой навигации?

¹⁸ «Тополь» – советский грунтовой комплекс твердотопливных баллистических ракет.

¹⁹ «Протон» – советская ракета-носитель тяжелого класса.

²⁰ «Союз» – советская ракета-носитель среднего класса.

Уши у Егора горели. Раньше он как-то не задумывался, сколько ресурсов требует такая привычная и удобная вещь, как GPS или «Глонасс».

– А как тогда ориентироваться? Здесь же плавают корабли и летают самолеты? Или на каждом борту сидит штурман с секстаном²¹ или этой, как ее... астролэбией²²?

– Ну, до такого мы пока не дошли, хотя штурманам и капитанам астронавигацию преподают. Но в основном используется радионавигация. Когда за ленточкой джиписэсы-глонассы внедрили, сюда много чего списанного привезли. Вот изучением этих систем, как они работают и как ими пользоваться, ты и займешься в ближайшее время. Второй и третий стеллажи с документацией – твои. Читай. На выходе жду доклад об использующихся на Новой Земле радиомаяках – где расположены, тип, параметры, применимость в наших задачах. И увы – Интернета здесь у нас нет. Так что только книжки, на бумаге или в электронном виде. Вопросы?

С жильем получилось не очень удачно. Переселенцев прибыло немало, большинство были с семьями, им-то в первую очередь и давали свободные квартиры и дома. Егора, как молодого и бесполого, поселили в общежитии для холостяков. Он начал было искать другие варианты, а потом взвесил плюсы и минусы и угомонился. Действительно, комната на одного, соседей нет. При необходимости гостей можно приводить. Или подружку. Кухня общая, но завтракать и обедать он прилачился на работе, а ужинать – в городе. До работы, кстати, совсем близко, пешком минут за десять можно добраться. Обходится такое жилье в сущие копейки. Ну и спрашивается, зачем от добра добра искать? Для себя Егор прикинул, что не будет ничего менять, пока не появится постоянная подруга и не затеет вить собственное гнездо. Либо пока не надоест самому.

Неожиданно оказалось, что получку девать особо и некуда. Вся жизнь проходила на работе, еда и крыша над головой бюджет не обременяли. Поэтому Егор не стал брать подъемные, пусть полежат. И большая часть зарплаты на счете оседала. Пригодится, когда припрет дом строить. Стройка всегда требует денег больше, чем планировал. Если повезет – вдвое, но чаще раз в десять.

А на работе... На работе дел было невпроворот. Сперва он зарылся с головой во все эти РСБНы²³, «Чайки»²⁴, «Лораны»²⁵ и VOR/DME²⁶. Разобрался, как они работают и какое оборудование нужно для приема и определения координат. Изучил, как местные умельцы дорабатывают навигационные системы кораблей и самолетов для работы в отсутствие спутников.

Возился Егор долго. Красовский поначалу регулярно интересовался, как продвигаются дела, а потом понял, что парень не бездельничает, и отстал. Только попросил сообщить ему, когда дело приблизится к завершению.

Как оказалось, результаты своих изысканий сотрудники КБ регулярно докладывали на еженедельных мероприятиях, по старой памяти именуемых НТС – научно-технический совет. Там обычно собирались руководители направлений, но простые сотрудники тоже могли присутствовать.

Егор рассказал о том, что системы VOR/DME установлены на большинстве крупных аэродромов Новой Земли, но из-за ограниченной дальности их действия сплошного навигационного поля эта система не дает.

Для дальнего ориентирования применяется система «Лоран». Цепочки передатчиков установлены между здешней Одессой и Береговым, возле Нью-Галверстона, Виго и Шанхая. На

²¹ Секстан (секстант) – прибор для ручной астрономической навигации.

²² Астролэбия – прибор для астрономических наблюдений.

²³ РСБН – радиосистема ближней навигации, советский аналог VOR/DME.

²⁴ «Чайка» – радиосистема дальней навигации, советский аналог Loran.

²⁵ LOnge RAnge Navigation – радиосистема дальней навигации.

²⁶ VHF Omni-directional Radio Range / Distance Measuring Equipment – всенаправленный радиомаяк и дальномер.

южной стороне Большого Залива передатчики есть возле Кейптауна и Нью-Дели. Бразильцы вроде бы собирались строить на своем побережье, но точных данных пока нет.

С приемным оборудованием история такая. Старые заленточные радионавигационные приемники работают как работали, только требуется коррекция настроек из-за другой географии и расположения станций. Новые приемники строятся на базе микроконтроллеров и программно-управляемых радиомодулей. Частоты для навигации применяются довольно низкие, антенны для таких частот нужны большие, что для скромных размеров БПЛА²⁷ неприемлемо. Поэтому существенная проблема – повышение чувствительности радиомодулей с сохранением размеров антенн в разумных пределах.

С точки зрения алгоритмов есть определенные вопросы. Так как точность радионавигации составляет плюс-минус несколько километров и измеренное местоположение непредсказуемо скачет, придется изобретать методы фильтрации. Скорее всего, это будет фильтр по типу калмановского²⁸. Математическую модель для него предстоит разработать.

Доклад окончен.

Выслушали Егора благожелательно. Задали несколько вопросов, но всё по делу. О тех аспектах, в которые он решил не углубляться в докладе, но которые показались важными слушателям.

Основное обсуждение свелось к известному русскому вопросу «что делать», пока он не превратился во второй вечный русский вопрос «кто виноват». Тут слово взял Красовский и рассказал о разговорах с заказчиком. Как это обычно бывает, заказчик не очень пока представляет, что ему надо, и более-менее осмысленное ТЗ выдает, как обычно, после начала боевой эксплуатации. Соответственно, чем раньше КБ представит свои предложения по возможным беспилотным комплексам, тем быстрее ему закажут разработку и начнут ее всерьез оплачивать.

Договорились предложить три комплекса.

Малый носимый ДПЛА поля боя, который смогут таскать с собой бойцы в ходе боевых операций. С малой дальностью и малым временем полета, зато легкий и компактный. Посмотреть, что там, на обратном склоне холма, например. Запуск броском руки, приземление на парашюте. Двигатель электрический. Наземная станция – компактная портативная.

Средний ДПЛА с дальностью в несколько десятков километров. Инструмент штаба подразделения. Посмотреть, не идут ли к врагу резервы, например. Взлет с катапульты, приземление на парашюте. Двигатель бензиновый. Наземная станция стационарная или на автомобиле.

Большой БПЛА с дальностью в несколько сотен километров. Полностью автономный и летящий по программе. С возможностью перенацеливания в полете, конечно. Взлет с колес и посадка на колеса. В корабельном варианте – взлет с катапульты и посадка на сетку. Двигатель бензиновый.

Егора предсказуемо подключили к последнему проекту. Пришлось много общаться со смежниками – КБ-23, которое занималось всеми возможными радиоделами в ПРА. В основном они дорабатывали обычные отечественные радиостанции, перепиливая их под «цифру» и потоковое шифрование, но за компактный навигационный приемник взялись без вопросов. Как оказалось, опыт работы с подобными системами для кораблей у них был, осталось реализовать те же решения в малых габаритах и массе.

Вскоре Егора вызвали на работе в канцелярию и вручили направление на медосмотр. Он в задумчивости покрутил бумажку в руках, попробовал было отболтаться, сославшись на

²⁷ БПЛА – беспилотный летательный аппарат – аппарат, способный летать полностью автономно.

²⁸ Фильтр Калмана – набор математических методов оценки параметров динамической системы по зашумленным измерениям.

занятость, но понимания не встретил. Все, от начальства до коллег, советовали отнестись к этому делу очень серьезно. Более того, руководство без вопросов отпустило с работы.

Указанное в бумажке здание гордо именовалось «Медсанчасть № 2». Заглянул в регистратуру, получил бегунок со списком кабинетов для посещения. Честно прошел их все, включая флюорографию и ЭКГ. Осталась последняя дверь, на которой было написано «врачебная комиссия». Здесь впервые образовалась небольшая очередь, и Егор с удивлением подумал, что все это напоминает посещение военкомата, где он был единственный раз в шестнадцать лет. Точно так же вокруг только молодые парни, точно так же врачи и личные дела... Но долго думать не получилось, его пригласили внутрь.

За дверью оказался довольно большой кабинет с длинным столом у дальней стены. За столом сидели четверо в белых халатах, перед одним из них, дедком с седой бородой, стояла табличка «Председатель комиссии».

– Здравствуйте, молодой человек! Представьтесь, пожалуйста.

– Добрый день. Я – Егор Мятин.

Сидевшая в торце стола девушка быстро пролистнула стопку папок перед собой, выбрала одну и подала седому. Тот углубился в чтение.

– Так, коллеги. Очень приятно видеть совершенно здорового молодого человека. Большая редкость в наше время.

Сидевшие слева и справа две суровые женщины заглянули в бумаги и кивнули – да, здоров. Или – да, большая редкость. Не стали возражать, одним словом.

Дедок тем временем продолжил:

– Мы вам присваиваем первую группу годности. Поздравляем – с медицинской точки зрения вы можете служить в любых войсках протектората, без ограничений. Конечно, надо будет сдать нормативы, но, повторюсь, с нашей стороны возражений нет.

У Егора пересохло в горле.

– Как служить в войсках? У меня же противопоказания? У меня же сердце?

Когда Егорка был маленьким, врачи нашли у него какую-то аномалию в сердце. Как сказал тогда врач, ничего серьезного, сейчас абсолютно здоровых детей не бывает. Подрастет, и все войдет в норму. Будет годен без ограничений.

Но мама и папа не хотели такого диагноза. Они не планировали отдавать сына в армию. Старичок доктор не стал возражать и написал то, что просили.

Эту процедуру родители повторяли каждый год, поэтому к шестнадцатилетию Егор был уже хроническим сердечником, судя по медицинским документам. Военкоматовские врачи отправили ребенка на обследование, но мама с папой были настойчивы. И платежеспособны. В результате Егор оказался непризывным, чем и пользовался бессовестно. Пока одноклассники на военной кафедре топтали плац и изучали разные железки, крашенные в зеленый цвет, он пропадал в студенческом конструкторском бюро. Приятели, бывало, рассказывали интересное про ракеты и ракетчиков, но посещать школу жизни очно не уговорили.

Старичок покладисто зашуршал бумагами в папке.

– Вы, конечно, можете подвергать сомнению заключение Льва Соломоновича, нашего кардиолога, хотя он очень хороший специалист, но ваша электрокардиограмма не показывает никаких отклонений от нормы. Хотел бы я иметь такую, даже в молодости.

– Разрешите, я объясню?

Одна из суровых женщин за столом дождалась кивка председателя и перевела тяжелый взгляд на Егора:

– Главное показание к службе в армии в нашем анклав находится у тебя между ног. По заключению хирурга – «развитие в норме, по возрасту». Так что все нормально. Мальчики служат в армии. Все мальчики, без исключения. Это первичный половой признак. Осознал? Тогда кругом, шагом марш.

А еще через неделю его вызвали к военкому. Сообщили, что военную подготовку так или иначе придется пройти, а вот работа в оборонном КБ вполне засчитывается как служба. В итоге начальство согласилось отпускать Егора один день в неделю учиться военному делу настоящим образом. Это оказалось достаточно распространенной практикой, кто учился день в неделю, кто два раза по полдня.

Теоретические занятия проходили в организации типа советского ДОСААФа – туда ходили и школьники на уроки начальной военной подготовки, и женщины-добровольцы из отрядов самообороны, и недавние переселенцы, не подлежащие призыву по возрасту или по важности работы. Стрелять ездили на стрельбище, бегать по полю и окапываться – на тактический полигон.

Егора присоединили к группе школьников, где он оказался самым старшим. Появление не прошло незамеченным. Девушки немедленно начали отрабатывать на новичке упражнение «стрельба глазками на поражение», а парни смотрели хмуро и ненавязчиво демонстрировали тощие бицепсы. Но когда Егор не поддался чарам первых и не испугался вторых, на него просто перестали обращать внимание. Очередной занудный взрослый, кому он интересен?

Стрельбы проходили раз в две недели. Егор быстро освоился с автоматом и на зачете вполне достойно отстрелялся, а потом что надо разобрал и почистил.

Остальные военные премудрости на уровне выпускника советской школы он тоже осилил, сдал зачеты, принял присягу и получил в новенький военный билет штампик об успешном прохождении начальной военной подготовки. Теперь раз в год его будут дергать на недельные сборы, и так до пятидесяти лет.

Забавнее всего то, что такая «Зарница» Егору даже понравилась.

Когда КБ-23 выкатило первый прототип своего навигационного приемника, пришло время испытаний. Железка представляла собой корзину с набором плат, в которые поочередно лазили то электронщики с паяльниками, то программисты с кабелями и программаторами. Понятно, что такую конструкцию громоздить на борт беспилотника смысла не было. И тяжелая, и громоздкая, и работает нестабильно, и пригляда требует. Договорились прототип и навигационные алгоритмы отработать на полноразмерном самолете, а на беспилотник ставить уже финальный вариант, легкий и компактный.

И вот однажды утром Егор с Семеном, немолодым, но очень общительным испытателем от КБ-23, приехали на аэродром. Половину салона «уазика»-«буханки» занимали железки, кабели и контрольные приборы. Егор с трудом верил, что все это вообще удастся запихнуть в самолет, даже большой, что уж там говорить о маленьком БПЛА.

«Уазик» проехал мимо длинной шеренги «Анов» на стоянке и остановился в дальнем конце аэродрома, возле маленького белого с красным самолета. Егор вылез и протер глаза:

– «Цессна»? Я на такой летать учился.

Семен удивленно обернулся.

– Ты пилот?

– Нет, не успел. Сдал зачет по матчасти, радиодело, аэродинамику, метеорологию, а вот собственно полетов было всего четыре. И все с инструктором.

– Ручку дергать – дело не сказать чтобы сильно хитрое. Научись.

– Хотелось бы верить... Семен, скажи, а почему «Цессна»? Вон «Аннушек»²⁹ добрых два десятка стоит. А там и внутри просторнее, и летают они дальше, и груза берут больше...

– А нам это избыточно. Четырехместная «Цессна» – в самый раз. Пилот, мы с тобой да центнер железок. Опять же, она дешевый автомобильный бензин кушает, а «Аннушка» – дорогой и редкий авиационный. И у ейного «Лайкоминга» оставшийся ресурс существенно больше, чем у наших изрядно потрудившихся «АШ-62».

²⁹ Прозвище самолета «Ан-2».

- Слушай, ты столько всего знаешь...
- А ты помотайся с мое по полигонам. Я ж полжизни в командировках провел.
- Тяжело, наверное.
- Привыкаешь. Главное – не спиться. Не так много развлечений в степи.

Неделю они монтировали оборудование в самолет. Каждый чих, каждую отвинченную гайку и протянутый провод приходилось согласовывать с местным инженером. Сверлить обшивку им тоже не разрешили, поэтому Семен, чертыхаясь, был вынужден ехать к себе на производство паять новые кабели и фидеры, чтобы использовать уже существующие отверстия.

Но все плохое рано или поздно заканчивается. Закончилась и их монтажная эпопея. Антенны расположили под фюзеляжем. Этажерку с платами и приборами уместили вместо пассажирского сиденья за пилотом. Все провода и кабели аккуратно развели в жгуты и закрепили. Получилось даже где-то красиво. Любители электропанка оценили бы.

Пришел пилот, которого выделили для испытаний. Невысокий кругленький балагур. Представился Владимиром. Они с Семеном не успели перекинуться и парой слов, как уже начали вспоминать дальние аэродромы, интересные самолеты и общих знакомых. И так добрых полчаса, пока затрепавшее радио не напомнило о запланированном вылете.

Владимир подергал этажерку с аппаратурой, убедился, что она закреплена хорошо и не прилетит ему в спину, после чего занялся обычным предполетным осмотром. Замечаний не обнаружил, предложил садиться. Семен сразу полез на второй ряд, к приборам, а Егору досталась правая чашка спереди.

– Так, инструктаж стандартный. Ремни пристегнуть, наушники надеть. По салону не ходить, в туалете не курить, стюардесс за зад не хватать. Полетели.

Сами испытания оказались довольно нудными. Приходилось гонять длинные прямые участки, накапливая статистику для дальнейшей обработки сигналов приемников. Пилот слушал, маялся и ругался в голос, что это работа для новичков, а не для него, аса и короля неба. Семен отвлекся от приборов:

– Ну и дай Егорке порулить, у него целых четыре вылета.

Владимир радостно развернулся к Егору:

– На чем летал?

– Летал – громко сказано. Начал учиться. «Цессна-172».

– Один хрен, от этой только движком отличается. Так что будем тебя привлекать в качестве автопилота. Держи ручку, и ноги на педали.

Семен заржал:

– Будешь теперь знать, как нелегка доля автопилотская. Прежде чем автопилоты разрабатывать, надо самому в их шкуре побывать.

Дальше он не поленился рассказать, на кого Егор учился и кем работает, после чего ржали уже вдвоем.

Поначалу пилот доверял Егорке только «выдерживать режим» на прямой. Но постепенно начал учить его и другим маневрам. В результате испытания шли своим чередом, статистика накапливалась, а Егор осваивался с управлением. Не сказать, чтобы он был готов летать полностью самостоятельно, но взлет с посадкой, набор высоты, снижение, виражи и прочие простые эволюции делать мог. Понятно, что плохонько, коряво и только в идеальных условиях. Но мог и делал. И с каждым полетом получалось все лучше.

Постепенно перешли к полетам по маршруту. К тому времени подразделение, занимающееся фотоаппаратурой, выставило на испытания свои разработки: приспособленные к установке на беспилотник обычную бытовую «мыльницу»³⁰ и три беззеркалки³¹ с разными

³⁰ Жаргонное обозначение компактных автоматических фотоаппаратов.

объективами. «Мыльница» была перешита хитрой прошивкой³², отчего начинала самостоятельно фотографировать с заданной периодичностью сразу после подачи питания. С беззеркалками проще, у них штатно предусмотрена возможность дистанционного управления съемкой, поэтому их подключали к бортовому компьютеру беспилотника через специальные контроллеры. Электронщики обещали со временем объединить всю управляющую электронику в один блок и ужать его до размеров сигаретной пачки. Или даже компактнее. А пока Семен просто добавил в этажерку новые платы и провода.

Фотокамеры уже были смонтированы в штатном фюзеляже будущего беспилотника. С его подвеской под «Цесну» пришлось изрядно повозиться. Долго чесали затылки, пока аэродромный инженер не принес руководство по установке нижнего багажника от фирмы-производителя. Крепления пришлось изобретать самим, но встали они в штатные гнезда на нижней поверхности фюзеляжа, так что прочности конструкции самолета ничто не угрожало. Самолет с цилиндром беспилотного фюзеляжа под пузом со стороны напоминал ракетносец с подвешенной ракетой. Орденская разведка голову сломает, какое такое новое оружие испытывают в ПРА.

Потом снова полеты, на этот раз для проверки алгоритмов аэрофотосъемки. Много думали, листали старые, времен войны учебники, подбирали оптимальные высоты, траектории и режимы работы фотокамер. Анализировали полученные снимки – вся ли заданная территория отснята, обеспечивается ли нужное качество картинки, разумно ли расходуется память.

Однажды Егор с Семеном сидели в тени под крылом после очередного вылета. Пилота срочно выдернуло к себе летное начальство. Можно было бы сходить пообедать, но лень тащиться под палящим солнцем на другой конец аэродрома. Да и есть в такую жару не хотелось. А холодное питье у них было – минералка у Егора и какой-то хитрый морс у его старшего товарища. Такое вот неожиданное применение имеют термосы в жарких краях.

– Говорят, история повторяется. Когда я был примерно в твоём возрасте, мы тоже так лежали после полета. Жара, а под крылом тенек. Вот только было то крыло немного побольше. Испытывали мы тогда... Не уверен, что сроки по нему уже вышли, так что пусть будет просто изделие. Так вот, сходили на маршрут, в нужной точке бандура штатно запустилась и ушла к цели, а мы вернулись обратно. Вылезли из мокрых комбезов и разлеглись в тенечке. Так вот, лежим под носителем, кругом степь, жара как сейчас... А на обшивке иней. Не успел самолет нагреться, пока снижались. Там-то, наверху, минус пятьдесят...

– Дядь Сень, а опасная эта работа?

– У нас, у инженеров? Не особенно. Обычно мы испытываем всякое новое оборудование на давно отлаженных типах. Вот летуны – те да, часто бились. Несмотря на все катапульты и прочие парашюты. Там ведь как: чуть раньше вышел – не получил полной картины отказа. Может не хватить данных конструкторам причину найти и поправить. А чуть опоздал – и полный рот земли. Опять же, всегда очень жаль дорогой экспериментальный самолет. А вдруг получится посадить?

– Ужас!

– Да ужас не в небе, ужас на земле. Из всего моего выпуска я последний живой остался. Кто по специальности работал, конечно. Притом что разбился у нас только Виталик Иванов, давно, еще в восемьдесят втором.

– А остальные?

– Остальные – на земле. Нервотрепка постоянная по работе, вечный срыв сроков и штурмовщина. Которая сменяется скукой и бездельем, когда нет погоды или пока ждем новую

³¹ Фотокамера со сменной оптикой, но без оптического видискателя.

³² Жаргонное обозначение программного обеспечения для какого-либо аппаратного устройства, в данном случае – фотокамеры. Заменой прошивки (т. н. перепрошивкой) можно менять функционал устройства.

железку с Большой земли. Бытовая неустроенность, еда всухомятку. В семье конфликты. Сам подумай, какая нормальная баба будет довольна мужем, бывающим дома три месяца в году? Особенно если муж – не капитан дальнего плавания и не возит заграничные шмотки мешками. А на аэродроме – море спирта. Да еще и перестройка эта гадская, тоже множество поломанных судеб. И в результате – инфаркты, инсульты, язвы. А кто не успел от болезни загнуться – те спились.

– Веселые истории ты, дядя Семен, рассказываешь...

– Извини, что настроение испортил. Вспомнилось вдруг. Давай веселое расскажу?

– Расскажи.

– Работал я тогда в одной организации... Короче, сделали кой-какую аппаратуру, и надо ее было на борту контролировать. Вот примерно как мы сейчас, даже еще тупее – оно само работает, а ты рядом сидишь и смотришь, чтобы лампочки зеленым горели. То есть квалификации не нужно никакой, просто усидчивость и аккуратность.

Егору стало обидно за их работу, названную тупой. Но утешало, что есть работы тупее.

– Борт был большой и сложный. И куча железок от разных фирм. Естественно, то один отказ вылезет, то другой. Там не договорились, здесь сделали по-своему. Испытания затянулись. А тема-то в нашей конторе не единственная, и квалифицированных испытателей мало. В результате договорились до того, что в пригляд к нашим железкам стали отправлять молодых девчонок, кто не замужем и здоровье летать позволяет. Поначалу они соглашались неохотно, все же глушь невероятная, театров и показов мод нету, зато потом распробовали и чуть не дрались за право поехать. Особенно те, у которых дома с личной жизнью не ладилось.

– И что там такое для них притягательное было?

– Сразу несколько моментов. Во-первых, надо было подолгу сидеть в тесном фюзеляже, битком набитом электроникой. Советской электроникой тех лет, громоздкой, тяжелой и потребляющей жуткие киловатты электричества.

– Сильно грелось?

– Как в сауне, только восемь-десять часов подряд. От таких условий труда все лишние килограммы с потом выходили за пару недель. Плюс на улице жара по полгода. Зато речка рядом.

– Прикольно.

– Это еще полприкола, прикол дальше будет. Вечером после полетов приходишь в гостиницу – а пожрать толком и негде. Развитой социализм, иоптыть. Так что вдобавок к сауне диета. Но и это еще не все.

– Боюсь предположить...

– Самая вкусняшка напоследок. Аэродром-то военный. Множество красавцев-летчиков, из которых большая часть или неженатых, или вынужденно холостякующих вдали от семей. Естественно, в таких условиях вокруг каждой новой женщины вьются толпы поклонников. В результате барышни наши возвращались с испытаний тощие, дочерна загорелые и полностью утомленные мужским вниманием.

– А потом?

– А потом систему с грехом пополам приняли на вооружение, и потеть вместо наших девчонок стали уже штатные экипажи. Но и много лет спустя, когда вспоминали те времена, у многих взрослых серьезных женщин на лицах появлялось мечтательное выражение...

Однажды настал день, которого долго ждали в ОКБ-17. Алгоритмы для дальнего БПЛА наконец-то «сложились». Автопилот надежно обеспечивал полет по маршруту и фотографирование заданного участка местности. Пока он, правда, только показывал пилоту настоящего самолета, куда крутить штурвал, да и выглядел как этажерка с платами. Осталось всего ничего – уменьшить аппаратуру до «авиамодельного» размера и подружить с системой управления беспилотника. Электронщики с программистами зарылись в работу, а у Егора вдруг появилось

свободное время. Не так чтобы совсем свободное – отчет по испытаниям надо было оформлять, но он хотя бы сидел днем в офисе и вечером уходил домой. Целых два дня.

А потом его вызвали к начальству. И отправили на войсковые испытания «Совенка» – самого мелкого самолетика, который разрабатывало их КБ. Навыки авиамоделиста оказались очень кстати. Военные заказали сразу несколько комплектов для испытаний в разных условиях, и представителей КБ, работавших по этой теме, просто не хватало.

Ехать предстояло завтра с утра куда-то в предгорья на южной границе. Остаток дня был занят подготовкой комплекта из двух «Совят» и наземки, да еще в последний момент выяснилось, что нужно получить оружие и снаряжение. Испытания испытаниями, но военные шли на боевое патрулирование, поэтому надо было быть экипированным по уставу.

Склад у военных работал круглосуточно, так что вскоре припозднившийся Егор волок по пустым улицам два баула. Один, большой, с автоматом, запасными магазинами и патронами. Другой, огромный, со снаряжением и формой. Дома предстояло почистить автомат, набить магазины, сложить вещи... Поспать практически не получилось.

Поэтому утро отъезда в памяти не отложилось. Пятнистый грузовик на зубастых колесах подъехал к воротам КБ, в кузов погрузили ящики и баулы, Егор влез рядом и отрубился.

Разбудил его незнакомый офицер. Машина стояла, неподалеку слышались голоса, вкусно пахло обедом.

– Силен ты дрыхнуть, боец! Шесть часов без перерыва в кузове по грунтовке... Я бы не смог.

– Устал очень. Оборудование готовили, потом снаряжение получал, автомат чистил.

– Почистил?

– Почистил. И патронов в магазины набил.

– Тогда оружие к осмотру. Не понял? Автомат свой покажи. Посмотрю, в каком состоянии ты его содержишь.

– Возьмите. Только я его еще не очень содержу, только вчера получил.

Военный быстро разрядил автомат, снял крышку с пружиной, вынул затвор. Заглянул в ствол.

– Ну что, молодец. Оружие в норме. Как зовут, боец?

– Егор. Егор Мятин.

– Молодец, Мятин. Продолжай заботиться об автомате, и когда-нибудь он позаботится о тебе. Оборудование в порядке?

– Вчера было в порядке. Могло, конечно, повредиться при перевозке, но это вряд ли. Упаковывали хорошо. Могу посмотреть?

– Много времени нужно для проверки работоспособности?

– Ну... полчаса.

– Тогда сейчас, до начала обеда, проверяешь. На следующей остановке, через четыре часа, пробный вылет. Понял задачу?

– Ага. Попробую.

– Неправильный ответ. В армии не надо пробовать, в армии надо приказы выполнять. А поскольку ты военнообязанный и придан нам в качестве средства усиления – выполняешь мои, старшего лейтенанта Носова, приказы. Понятно?

– Так точно.

– И дуболома тоже включать не надо. Не переигрывай. Будет самолет готов к вылету на следующей остановке?

– Доложу через полчаса.

– Добро. Выполняй.

Транспортную упаковку для «Совят» коллеги по КБ разработали знатную. Танк она, может, и не выдержала бы, а вот путешествие в кузове грузовика – легко. Видимых поврежде-

ний самолетики не имели. Потом Егор проверил аккумуляторы. Все четыре бортовых из комплекта были заряжены наполовину – стандартный для литий-полимеров режим длительного хранения. Для немедленного вылета не годится. Надо заряжать. А вот наземка заряжена нормально.

Зарядник в комплекте был, но, к сожалению, один. И штатно допускал подключение только одного аккумулятора. С учетом двухчасового цикла зарядки – развлечение на всю ночь. Странно, что не подумали о тех, кто будет «Совят» обслуживать. Хотя, с учетом особенностей применения, оно и не сильно нужно. Заряжать батареи пехотинцам, разведчикам или диверсантам некогда и негде. Достал из рюкзака самолетик и пульт, взлетел, посмотрел что надо, а дальше уже и воевать пора. Или возвращаться к своим со свежими разведанными. А батареи заряжать можно потом. Если будет что. И кому.

Ладно, это все лирика, а через четыре часа надо иметь полностью готовый к полету комплект.

Егор чертыхнулся и полез в свой полетный ящик. Хорошо, что догадался захватить. С этим ящиком он ездил запускать свои модели последние лет десять. Внутри хватало и инструментов, и всяких полезных мелочей. В числе прочего был и универсальный зарядник. Осталось найти, к чему подключить.

Когда старлей снова заглянул в кузов, Егор заканчивал шаманить кабель для параллельной зарядки. Еще один, длинный, для подключения к аккумулятору автомобиля, уже лежал рядом. Шипел газовый паяльник, пахло канифолью и пластиком.

– Ну как, летаем на следующей остановке?

– Сейчас поставлю бортовые акки заряжаться, почти доделал «гирлянду». Чтобы все четыре махом.

– А что, в комплекте нет зарядника?

– Есть. Он вполне рабочий, но им бы я не успел зарядиться полностью за четыре часа. Приходится вот на коленке приспособу мастерить.

– Я про эти проблемы в акте испытаний напишу. Ты-то ладно, разберешься, надеюсь, а если боец молодой?

– Пишите. Это чужой комплекс, мне за него премию не снимут.

Егор отложил паяльник, сдвинул на место пайки термоусадку и щелкнул зажигалкой.

– Все, закончил. Сейчас проташу кабель к аккумулятору грузовика, подключусь и поставлю заряжать батареи.

– Хорошо. Поеть не забудь, я тебе вот здесь, в уголке, котелок поставил.

Минут через десять колонна тронулась дальше. Зарядник солидно мигал лампочками, вливая в батареи электричество, самое время и о себе позаботиться.

В котелке оказался привычный походный кулеш – быстрорастворимые макароны с тушеным мясом. Но приготовлено было с душой, специй повар не пожалел, и аромат стоял божественный. Рядом лежала пластиковая фляга с морсом, приятно кисловатым и почти не сладким. И на крышке котелка три куска хлеба и ложка.

– Привыкай, парень, к казенным харчам, – хмыкнул Егор и заработал ложкой.

На следующей остановке Носов стукнул в задний борт:

– Готов?

– Готов.

– Полетели.

И щелкнул секундомером.

– Ничего, что я эту штуку вижу второй раз в жизни?

– В самый раз. Будешь изображать солдата-срочника. Это когда нет еще ни опыта, ни мозгов, зато масса энтузиазма. Давай-давай, время тикает.

Егор пожал плечами. Достал наземную станцию, влез в подвесную систему, отрегулировал ремни. Вставил батарею в самолетик. Включил наземку. Включил борт. Пошевелил правым стиком на передатчике, крохотные элевоны³³ послушно отработали. Дал от себя левый стик, моторчик заработал. Малый газ, средний, полный. Отключить.

Теперь долой крышку с объектива видеокамеры. Снять и не забыть убрать в карман – запасных в комплекте нет. Картинка на экране наземной станции вполне адекватная. Сейчас видны камешки на земле и носы собственных ботинок. Наклоняем самолетик носом вверх – экран затемняется на короткое время, потом появляется небо. В горизонт – виден грузовик и глазеющие бойцы.

– Все, к вылету готов.

– Слушай боевую задачу! – Носов был торжественно-серьезен. – Подняться, оценить обстановку, доложить возможности по обнаружению целей типа человек, лошадь, джип, грузовик с разных высот.

Егор посмотрел на экран, высота там тоже отображалась, справа.

– А давайте я просто летаю на разных высотах, а вы оцените эти свои возможности, ладно? И еще. Людей, грузовики и джип я здесь вижу, а вот лошади нет. Как будем оценивать?

– Лети уже.

Егор послушно сунул вперед до упора левый стик и бросил «Совенка» за конец крыла вперед и немного вверх. Самолетик наладился было свалиться в крен, но, ведомый опытной рукой, выровнялся и полез набирать высоту. Чуда не произошло, беспилотничек оказался изрядно перетяжелён, да и тяги хватало впритык. С другой стороны, это не модель для пилотажа либо иной колбасни, это разведчик. Причем разведчик, способный без повреждений путешествовать в солдатском рюкзаке. То есть очень прочный.

А в роли разведчика самолетик порадовал. Летел довольно быстро, но ровно, и картинка на экране почти не дрожала. За что спасибо электронной стабилизации в камере, понятно, но и аэродинамика свою роль сыграла. А еще на высоте больше ста метров звук моторчика пропадал совсем, да и сам беспилотничек разглядеть было очень сложно. Даже при ярком солнце. Пришлось полностью переключиться на пилотирование по камере.

Старший лейтенант с восторгом смотрел в экран, временами командуя очередной маневр:

– Так, давай поднимись на две сотни, пройди над нами. Хорошо. Спустись до сотни, опять пройди. Теперь на пятидесяти... Хорошо видно, но уже движок слышен. Можешь потише сделать?

Егор прибрал газ до половины. Звук мотора пропал, но самолетику такой пассаж не пришелся по вкусу.

– Не хочет лететь горизонтально вполгаза. Или вот так, в три четверти, или со снижением.

– В три четверти пойдет, почти не слышно. Теперь отлети подальше, будем максимальную дальность проверять.

– Если залетим за максимальную дальность – потеряем самолет. Он не умеет к месту старта сам возвращаться.

– Что делать тогда?

– Попробую вверх подняться. Случись чего, падать-то он будет вниз, то есть к нам. Снова управление появится. И картинка.

Но особенно высоко подняться не получилось. Начал проседать бортовой аккумулятор, на экране высветилось «Low Voltage». Егор развернул «Совенка» вниз. В пикировании набрал

³³ Элевоны – поверхности управления, обычно на бесхвостых летательных аппаратах, совмещающие функции элеронов и рулей высоты.

скорость, крутанул пару бочек, петлю, другую... Нет, определенно этот самолет под другое заточен.

Снизился до ста метров по высотомеру, прошел над местом стоянки. Убрал газ. Постепенно задирая нос, потерял скорость и раскрыл посадочный парашют. Двухметровый оранжевый зонтик бережно опустил беспилотник в высокую сухую траву.

– Ну, что скажешь?

Старший лейтенант Носов пребывал в знакомой эйфории. Вот любят мальчишки играть в разные технические игрушки. Сколько бы лет мальчикам ни было и какие бы погонны они ни носили.

– Скажу, что это разумный компромисс для противоречивых требований. Сложно сделать в таком объеме хорошо летающий самолет. Особенно прочный. Поэтому летит он как утюг. Зато картинка – вроде ничего?

– Отличная картинка! С пятидесяти метров все видно!

– Ну и славно, на следующей остановке еще раз слетаем...

– Зачем ждать? У тебя же четыре аккумулятора! Лети!

В четвертом полете Егору пришлось заходить на посадку на свет фар. Почти полностью стемнело.

За ужином командир радостно планировал будущие полеты, а Егор сидел рядом, молча кивал и поглощал безумно вкусную рыбу с картофельным пюре. И чем дальше, тем больше радовался, что судьба забросила в такое замечательное место, к таким интересным людям.

Назавтра Егору в ученики выделили высокого, белобрысого и чуть сутулого автоматчика Серегу. Несмотря на неполные двадцать пять лет, тот успел отслужить срочную за ленточкой, повторил здесь, а потом и вовсе остался на контракт. Жизни помимо армии он не представлял, а к сопутствующим тяготам и лишениям относился философски. Назначение в беспилотники воспринял с энтузиазмом – почему бы не поиграть в модные игрушки, да еще и за казенный счет?

Теперь размеренное течение патрульной службы сменилось бешеным калейдоскопом боевой работы. Обслуживание, зарядка и ремонт техники на марше, полеты на остановках. Егор научился есть и спать на ходу, в кузове грузовика, идущего по бездорожью. Сергей осваивал пилотирование, сперва по горизонту на высоте, потом взлет с набором высоты, облет окрестностей, возвращение к месту старта. Посадку не тренировали, парашют позволил избежать столь сложного для новичков маневра.

Потом была потеря аппарата и его поиски, внезапная встреча с бандитами, бой, ранение и эвакуация вертолетом. Повторно Егор пришел в себя уже в госпитале. Какая-то белая палка над головой, а выше чуть желтоватый, в мелких трещинках потолок. Повернул голову – стойка с разноцветными банками, откуда уходит прозрачная трубка под повязку на руке. С другой стороны виднелась тумбочка с приборами на ней, светились лампочки и бегал по экрану зеленый лучик.

Интересно, а зачем эта палка над головой? Дальше к ногам с нее свисал тросик, закрепленный... Ну да, к его собственной ноге, упакованной в какую-то хитрую конструкцию, вроде бы из ткани и металла.

Как Волк из мультика «Ну, погоди!» Сейчас откроется дверь и войдет Заяц с апельсинами в авоське...

Дверь действительно открылась, и зашел высокий молодой мужчина в белом халате. Посмотрел на приборы, потом остановил взгляд на Егоре:

– Пришли в себя? Прекрасно. Как самочувствие?

– Не знаю. Не понял пока. А что с ногой?

– Все нормально. Вам туда прилетел один небольшой, но очень пакостный осколок. Но мы уже все собрали на место. Через полтора месяца пойдете, через полгода сможете бегать и прыгать.

– Я в больнице? В Демидовске?

– Нет, в госпитале. Почтовый ящик 3319. Гражданские специалисты, привлеченные к выполнению заданий совместно с подразделениями РА, имеют те же обязанности и права, что и военнослужащие. В том числе – лечиться в нашем госпитале, буде возникнет такая необходимость.

– А как там... ребята?

– Я ничего не знаю об обстоятельствах вашего ранения. Я просто врач. Вашим здоровьем уже интересовались многие. Сегодня еще наблюдаем, а завтра можно будет разрешить первых посетителей. Поспите, во сне кости срастаются лучше.

Голос у врача был мягкий, успокаивающий, и Егор сам не заметил, как уснул.

Первым посетителем оказался незнакомый майор с папкой в руках. Представился кем-то там из военной прокуратуры, Егор не расслышал.

– Расскажите, пожалуйста, при каких обстоятельствах вы получили ваше ранение?

– Что с ребятами?

– Отвечайте на вопрос.

– Расскажите – отвечу.

Майор вздохнул. Похоже, ему процесс допроса представлялся иначе, но спорить он не стал.

– Рядовой Борисенко и сержант Смирнов убиты. Больше потерь нет. Вам плохо? Позвать врача?

– Не надо. Я обещал, я расскажу. Мы проводили войсковые испытания комплекса «Совенок»...

Чем дальше Егор рассказывал, тем ярче вставал в памяти его первый бой. Наполнялся красками, запахами. Пережитое накатило снова.

– ...я же вам говорил – он сильно ослаблен, потерял много крови, пережил болевой шок. Потерял друзей. Нервная система истощена. Больше никаких разговоров!

– Простите, доктор, я обещал. Мне надо закончить рассказ. На чем мы остановились?

Сознание чуть плыло, но губы слушались, и слова получались четкие. Ругающиеся мужчины повернулись и уставились на Егора. Врач – с тревогой, прокурорский – с некоторым уважением.

– Да вы, собственно, все уже рассказали. Вплоть до взрывов гранат и вашего ранения. Большое спасибо за помощь. Извините, что пришлось потревожить.

– А что с оборудованием? С самолетом, с наземкой?

– Вы про испытываемый комплекс? Насколько я понял, на месте боя удалось собрать полный комплект. Утечки информации и технологий не произошло.

Майор кивнул и вышел. Врач остался.

– Мне очень жаль, но не пустить его я не мог.

– Не беспокойтесь, доктор. Это было... полезно.

– Следующих тогда не раньше завтрашнего дня.

– Скажите, доктор, а можно отсюда позвонить?

– Можно, конечно. Родителям, жене, девушке?

– Нет, на работу. Я должен им рассказать кое-что важное.

– Что англичане ружья кирпичом не чистят? Не обращайтесь внимания, это у меня такой специфический медицинский юмор. Очень многие, даже попав в госпиталь, продолжают вести свою войну. Так вот, совсем недавно вашим здоровьем интересовался человек по фамилии Красовский. Представился вашим начальником и оставил номер сотового.

– Отлично! Это самое то, что надо!

Врач пожал плечами и вышел.

Красовский приехал тем же вечером.

– Привет, Егор! Я как раз был неподалеку, утрясал некоторые вопросы с заказчиком. Как самочувствие?

– Средне. Бывало хуже, бывало лучше. Но это не важно. По испытаниям «Совенка». В принципе, все работает. Картинка неплохая. Управление внятное, оператора можно подготовить за несколько дней...

– Егор, не торопись! Выйдешь из госпиталя, напишешь отчет...

– Некогда, Николай Николаич! Передадут в производство, и уйдет комплекс в войска с детскими болезнями.

Красовский достал блокнот и карандаш, тяжело вздохнул:

– Давай, рассказывай...

– Перво-наперво, зарядник для аккумуляторов. Нужно доработать таким образом, чтобы была возможность независимо заряжать все четыре бортовых и наземку. Я сделал «гирлянду» и заряжал в параллель, но это не всегда удобно. И обязательно длинный кабель для подключения к аккумуляторам в технике...

Они проговорили два с лишним часа. Обсуждали, соглашались, спорили, даже ругались иногда. Врач пару раз заглядывал, но прерывать не стал. Занятие любимым делом здоровью не вредит.

Скучным пребывание Егора в госпитале назвать было нельзя. Регулярно приезжал Красовский, чаще один, реже с коллегами. Рассказывал о ходе работ, подкидывал материалы для изучения и идейки для обдумывания. Заглянули после завершения патрулирования подчиненные лейтенанта Носова. Вспомнили погибших, обсудили дела живых. Как оказалось, «Совенок» свалился на отряд бандитов, планировавших какую-то гадость на ближайшем полиметаллическом руднике, судя по отметкам на карте. Было их восемь человек, включая пулеметчика и снайпера. Серега с сержантом с ходу уложили четверых, но слишком поздно заметили остальных бандитов. Были тяжело ранены и погибли, захватив с собой еще двоих и ранив одного.

– Остальное ты знаешь сам.

– А зачем ко мне заходил прокурорский? Здесь всегда так?

– Нет. Просто кому-то из начальства хотелось победных репортажей об успешном испытании этого вашего беспилотника, а обернулось погибшими и риском потери новой техники. Ну и началось. Носова отстранили от командования и собирались отдать под суд. Но вроде как разобрались и одумались. Так что взводный у нас прежний, и скоро снова пойдём на маршрут прежним составом. Самый лучший вариант – не наградили, но и не наказали.

Очень неожиданно было увидеть бывших однокашников по военной подготовке. Группа пришла почти в полном составе, и парни, и девушки. Все радостно гомонили, хлопали по плечам, требовали описания подвигов. Здесь, как тому Василию Теркину, медаль бы... Но не случилось. Пересказывать подробности своего сумбурного боя Егор постеснялся, а сказал то, что уже давно вертелось в голове:

– Спасибо всем тем, кто у нас вел военную подготовку. К сожалению, экзамены частенько принимают те бородатые люди из-за гор. А спрашивают они крепко. И если не сдал...

Веселье как-то быстро сошло на нет. Гости скомканно попрощались и потянулись на выход. Но через пять минут дверь скрипнула снова. Даша? Или Наташа? Нет, точно – Лера! Валерия. Тихая барышня в больших очках, которую и слышно-то было только тогда, когда ее спрашивали преподаватели на занятиях.

– А знаешь, ты стал совсем седым...

– Не знаю. Как-то пока не добирался до зеркала.

– Показать? У меня есть с собой.

– Зачем?

Снова повисла пауза.

– Ты стал какой-то... другой. Все остальные мальчишки – мальчишки и есть. А ты взрослый.

– Так я и постарше всех вас буду.

– Не всех. Мне двадцать три.

– А почему тогда со школьниками учишься?

– Как и ты. Направили на военную подготовку.

– Девушек вроде не призывают?

– Насильно не призывают, но добровольное вступление в силы самообороны, или как они тут называются, очень поощряют. Масса всяких льгот сразу.

– И ты решила рискнуть?

– Ну не всё в общежитии уютиться. А так обещали через три года кредит на квартиру или дом. Льготный.

– А семья у тебя...

– За ленточкой осталась. Маленький городок при большом оборонном заводе. Закончила ПТУ как радиомонтажница, а завод возьми да и закройся. А другой работы в городке нет. Совсем.

– И что ты сделала?

– Ну, замуж меня никто не звал, поэтому поехала завоевывать Москву. В институт не поступила, в секретарши не взяли – ноги короткие, уже подумывала в проститутки идти...

– Это ты сейчас серьезно?

– Как тебе сказать... Работала продавщицей и медленно сходила с ума от бессмысленности работы, постоянной бедности и бытовой неустроенности. Так что мысли возникали, да. Но встретила вербовщика и попала сюда. То есть везли-то нас всех явно с прицелом сделать работницами постельного фронта, но на месте оказалось по-честному – свобода выбора, второй шанс и все такое. В этом плане орденцы молодцы. Прибилась к конвою в ПРА, здесь пошла на завод. По специальности. Белый халат, паяльник и микроскоп.

– Выиграла от переезда сюда?

– Выиграла. Здесь я, по крайней мере, живу одна в комнате. А не вчетвером на полу в подсобке. Только поговорить не с кем. Кругом все больше девчонки молодые, у них ветер в голове и свист... в одном месте.

– И ты меня называешь взрослым?

– Теперь да. Месяц назад ты был пацаном, как эти наши одноклассники. Большим, но пацаном. А сейчас у тебя в глазах что-то появилось... другое.

Они снова замолчали, на этот раз надолго.

– Ладно, извини, что голову морочу своими заботами. Пойду, пожалуй.

– Ты это... Если захочется еще поговорить – приходи. Буду ждать.

– Захочется. Приду.

Как и обещал доктор, через месяц Егору сняли гипс и отправили домой долечиваться. Понятно, что «домой» получилось очень условно – практически каждый день приходилось мотаться то в госпиталь на процедуры, то на работу. Электронщики наконец-то выкатили автопилот и навигатор нормального авиамодельного размера, и в цеху всю шла сборка и отработка первого предсерийного беспилотника. Проект, помимо кода, получил и открытое наименование «Альбатрос».

Помаявшись неделю с такси и костылями, Егор внял совету друзей и купил машину. Микроскопического размера городскую японку, зато с автоматической коробкой и передним сиденьем в виде дивана. Теперь можно было закидывать на пассажирское место большую левую ногу, а здоровой нажимать педали. Ездить по городу стало очень удобно, а за город пока и не

надо. На испытаниях все равно будет грузовик от предприятия, а на сборах – бронетранспортер.

С бортовой аппаратурой дальнего беспилотника возились долго. Как это всегда бывает, по отдельности все приборы работали нормально, но, будучи засунуты в тесноту приборного отсека, начали создавать друг другу помехи и всячески портить жизнь. А уж когда запустили двигатель с его искровым зажиганием...

Но проблемы – они на то и проблемы, чтобы их решать. Разделяли питание, экранировали и заземляли, и в конечном итоге добились нормальной работы борта. Неминуемо приближался первый вылет.

В принципе, планер и двигатель «Альбатроса» уже в полете испытывали. Поставили приемник и управляли с земли, как обычной радиоуправляемой моделью, только очень большой. Теперь же модели предстояло стать действительно самолетом и начать летать самостоятельно. Не сразу, конечно. От простого к сложному. Сперва отдельные режимы, потом замкнутые маршруты разной сложности и, под занавес, автоматический взлет с автоматической посадкой. Приземлять тридцатикилограммовую дуру на парашюте не рискнули.

На первый вылет предсерийного «Альбатроса» приехало все КБ. Начальство не стало никого обижать и заказало автобусы. Группа планера ловко собрала крашенный белой эмалью самолет, Егор с другими управленцами подключил оборудование. Долго проверяли управление – сперва ручное, по командам оператора на земле, потом автоматическое, от автопилота. Проблем пока не обнаружилось, не зря столько времени возились в цеху.

Двигателисты залили топливо и запустили мотор. Подождали минуту, пока прогреется, начали гонять разные режимы. Планерчики удерживали самолет за крыло. Управленцы тем временем гоняли свои тесты, автоматика и связь работали устойчиво.

Еще минут десять завываний движка, и рев сменяется тихим тархтением. Возле «Альбатроса» остается один человек – шеф-пилот Саша Сёмин. В недавнем прошлом – авиамоделист и неоднократный призер в классе F3A³⁴. Егор нередко встречался с ним на соревнованиях, еще за ленточкой. Дружить они не дружили, но общались по-доброму. В конторе Сашу шутя называли беспилотом или беспилётчиком, но он не обижался. Главное – не назвать случайно «оператором БПЛА», а то маловато в этом термине пафоса. У летчиков свои заморочки. Даже у моделистов.

Двигатель прибавил оборотов, и беспилотник покатил в начало полосы. Там сбавил скорость, развернулся. Руководитель испытаний запросил разрешение на взлет. И получил его сразу – большая авиация сегодня не летала.

Мотор снова взревел, и «Альбатрос» начал разбег. Теперь, обвешанный аппаратурой и антеннами, он казался настоящим самолетом. Саша дал беспилотнику разогнаться и легко оторвал его от бетона. Медленно, ровно повел самолет в набор высоты. С креном развернулся, прошел в обратную сторону. Сделал несколько наборов и снижений разной крутизны. Прибрал газ, прошел на минимальной скорости, практически на грани срыва. Снова развернулся, разогнался в пикировании под мотором. После чего сделал классическую коробочку и приземлился, коснувшись полосы точно напротив зрителей.

Егор крякнул от зависти. Так прецизионно пилотировать у него не получалось. Нет, он вполне мог выполнить ту несложную программу облета, что сейчас продемонстрировал Саня, и даже приземлился бы без потерь, но и без того шика и артистизма. Увы, здесь надо быть пилотажником.

– Скорость отрыва соответствует расчетной. Скороподъемность в норме. Минимальная и максимальная скорости в пределах допустимого.

³⁴ F3A – соревнования по пилотажу радиоуправляемых моделей.

Это оператор наземного комплекса управления докладывал данные, полученные по телеметрии. Чем дальше, тем больше работы будет у наземщиков и тем меньше у «беспилота», но пока операторы только наблюдают.

Тем временем Саня докладывал свои, субъективные ощущения.

– Чувствуется, что самолет стал тяжелее. Чуть просела скороподъемность. Но в воздухе сидит плотнее, увереннее. И ветром меньше колбасит. Для своих задач должен быть в самый раз.

Потом самолет утащили на заправку и обслуживание, а Егор пошел к своим операторам. Помимо прочих цифр и графиков на экране отображалась траектория самолета по данным радионавигации. Понятно, что на действующем аэродроме все радиосредства в наличии и заблудиться здесь не смог бы и ребенок, но все равно это была их маленькая победа. Линия четко начиналась на полосе и на полосе же заканчивалась. А это значит, что точность достаточна даже для автоматической посадки. Но это будет еще не скоро, пока на повестке дня испытания автопилота – выдерживание высоты и курса в горизонтальном полете, программные развороты и смена эшелона. А автоматическая посадка никуда не денется.

За первым полетом последовал второй, третий, далее – по плану. С каждым днем Сашкиного участия требовалось все меньше, «Альбатрос» сначала научился рисовать в небе ровные линии и восьмерки, потом взлетать, а потом настал день, когда самолет от взлета до посадки сделал все сам, без помощи с земли. Сел, правда, сильно левее осевой линии полосы и на пробеге выкатился на грунт, но это уже были мелочи. Егор получил хорошую премию, подумал и переехал из общаги в съемную квартиру. Благо потенциальная хозяйка уже была. Совсем переезжать к нему Лера отказалась, но оставалась нередкой.

От отладки пилотажных задач перешли к навигационным. Теперь беспилотник поднимался и подолгу барражировал над окрестностями, обрабатывая съемку площадей. Аэродромное начальство прекратило бухтеть, что полоса постоянно занята модельками и нормальным самолетам негде базироваться. «Альбатрос», как большой, получал свой отрезок времени для взлета или посадки, в очередь с большой авиацией. Все управление беспилотником сводилось к указанию точек маршрута или координат района съемки, либо к передаче команды на возврат, а уж как конкретно исполнять указания с земли, аэроплан решал сам.

Программисты наконец-то доделали программу, сшивающую аэрофотографии в единую карту с топопривязкой с учетом координат самолета, высоты, углов крена и тангажа и типа объектива. Не карта, а радость артиллериста. Чтобы попасть по отснятой цели первым же снарядом, точности пока маловато, но вторым-третьим, с корректировкой – запросто.

Возможности свои «Альбатрос» показал на войсковых испытаниях. Снова пришлось ехать на юг, к границе. Летали с полевого грунтового аэродрома, оснащенного примитивным радиомаяком. Сперва в пределах видимости, но с каждым полетом увеличивали дальность, пока не догнали до заказанных двухсот километров. Обошлись без технических проблем, разве что стойки шасси регулярно приходилось рихтовать или клеивать заново. Озадачили разработчиков планера, те через неделю привезли стойки другой конструкции и несколько комплектов колес разного размера. Обещали на серийном беспилотнике усилить точки крепления стоек. А пока обошлись малой кровью – полуторного размера колеса почти не цепляли кочки на пробеге и при этом не сильно снижали дальность.

Из одного из последних зачетных полетов самолет привез фотографии полевого лагеря. Пасущиеся лошади, палатки, костры. Немедленно оповестили пограничников, бойцы выехали в указанный район... И опоздали. Зола в кострах была еще теплой, падальщики не успели растащить остатки трапезы, но лагерь опустел. Дальнейшие поиски результата не дали – до границы было всего ничего.

Естественно, военное начальство потребовало картинку в реальном масштабе времени. Привезенные из полета фотографии их уже не удовлетворяли. Пусть ценой снижения дальности, но нужна оперативность. И да, чуть не забыли, срок – вчера.

Ребята загрузили – перспектива срочно делать принципиально новую полезную нагрузку для беспилотника их не очень пугала, но вот сроки... Пожаловались по радио Красовскому, тот подумал и предложил простой вариант. У бригады, которая делала средний беспилотник, «Чайку», не заладилось с носителем. Промажнулись при разработке планера, и до готовности проекта у них было далеко. А вот начинка для «Чайки», как раз камера с мощным видеопередатчиком и хитрой антенной системой, уже давно была готова. Втиснуть ее в заданный габарит и массу разработчики не смогли, этим в первую очередь и объяснялись проблемы с носителем. Дохловат он для такого груза, проще говоря. Спроектирован был с недостаточным запасом.

«Альбатрос» существенно крупнее и грузоподъемнее, на него потроха «Чайки» встанут легко и непринужденно. Заканчивайте испытания, а уж мы здесь скрестим ежа с ужом.

Ребята получили подписи военных только через неделю. С формулировкой «да, вы сделали то, что мы вам заказывали, молодцы, но когда будет живая картинка с неба?».

Пришлось пообещать, что уже все придумано, работы ведутся и уже в следующий раз... Обидно, вроде удачно завершён проект, а радости никакой.

С начинкой от «Чайки» все оказалось тоже не так просто. Могучий видеопередатчик забивал помехами все, что можно и нельзя. Пришлось сперва долго искать правильные места для электроники и антенн, потом все тщательно экранировать и заземлять. По требованию заказчика допилили алгоритмы автопилота, добавив автоматический облет и съемку цели камерой бокового обзора. От идеи делать носимую наземку окончательно отказались. Кабина управления БПЛА разместилась в кузове грузовика.

Гибрид «Альбатроса» и «Чайки» заказчик назвал «Соколом». Испытывали его там же, на аэродроме, постепенно увеличивая дальность. При самом благоприятном расположении антенн дальше сорока километров видеосигнал становился неустойчивым и скоро пропадал. Военные покривились, но приняли – более дальнобойный видеоканал потребует на порядок больше времени и денег. А им было нужно здесь и сейчас. Зато при полной заправке «Сокол» мог висеть над целью несколько часов. Для контроля опасного направления – самый подходящий вариант.

Егор настолько втянулся в спокойную жизнь дома, что перспективу снова ехать на войсковые испытания, на этот раз с «Соколом», он воспринял без малейшего энтузиазма. Хорошо работать в офисе, на полеты ездить на городской аэродром, полчаса в один конец, а вечером приходить домой, где ждет Лера, а с ней налаженный быт, вкусная еда и прочие земные радости. Тем более что его, автопилотчика, участия в этом проекте было как раз немного.

В итоге на испытания поехали коллеги из соседнего отдела, которые занимались начинкой «Чайки». А Егор остался в Демидовске.

Буквально на следующий день его вызвал Красовский:

– Скучаешь, домосед? Старый проект сдали, новый испытывают другие люди. Чем мне тебя занять?

– Отпустите в отпуск. Как раз надумал жениться.

– Жениться – это хорошо. Это очень полезно – жениться. Вот только есть одна работенка... Обещаю, как только сделаете – сразу льготный кредит на дом и отпуск полтора месяца, как раз хватит свадьбу отгулять и обжиться. Но я это смогу выбить из начальства только под успешное завершение проекта.

– Новый проект?

– Ну как новый... Военным «Альбатрос» пока не очень нужен, у них другая любимая игрушка сейчас, а вот флотские очень хотят разведчик в морском варианте. Корабельного базирования. Помнишь, мы проговаривали вариант с катапультным стартом и посадкой на сетку?

– Сам-то аппарат существенной доработки не потребует – снять шасси, усилить конструкцию, добавить крючки в носу и антенны попрыгать, но катапульта и сетка...

– На эту тему не волнуйся, договоримся со смежниками.

Смежники, КБ-126, занимались всякой гидравликой и пневматикой – манипуляторами на грузовики, автокранами и прочими приводами. Довольно быстро они построили вокруг могучего пневмоцилиндра пару рельсов с тележкой. Сжатый воздух из баллона поступал в цилиндр, толкал тележку по рельсам и на испытаниях задулил бордюрный камень на полсотни метров. Вот только перегрузка при старте получалась запредельной. Прочная, но совсем не бетонная конструкция «Альбатроса-М» (морское исполнение) такого ускорения не выдерживала, не говоря уже о весьма субтильных внутренностях.

Смежники почесали затылки, увезли свою баллисту (камень по баллистике летел – значит, баллиста!) и через пару недель представили другой вариант. Рельсы были вдвое длиннее, а тележку пневмоцилиндр приводил в движение тросом через систему блоков. Скорость в конце разгона осталась прежней, но перегрузка снизилась до допустимой.

Те же люди сделали и оборудование для посадки на корабль. Гидравлика поднимала вверх две двадцатиметровые мачты с сеткой между ними. Мачты должны были ставиться по бортам, а беспилотник заходить на них с кормы идущего против ветра корабля, чтобы снизить скорость касания. Наводиться «Альбатрос-М» должен был по радиомаяку, установленному на надстройке сзади.

Запуск с катапульты на полигоне отработали довольно быстро, только пришлось подбирать оптимальную форму тележки и крепления беспилотника на ней. И чуть допилить алгоритмы управления, чтобы мощный стартовый разгон не сводил с ума систему стабилизации. А вот с посадкой на сетку возились долго. Шеф-пилот много раз примерялся к заходу в ручном режиме, прежде чем заглушил движок и направил нос самолетика в середину посадочного приспособления. Беспилотник исправно повис на сетке, изрядно покачнув всю конструкцию, мачты наклонились штатными приводами, и испытатели вынули улов – совершенно целый и исправный аппарат.

Еще через пару дней самолетик проделал все то же самое полностью автоматически четыре раза подряд. Приглашенные заказчики поглядели на «этот цирк» и затребовали испытаний в море.

В Береговой Егору пришлось ехать самому, спихнуть на других не получилось. Флотские выделили для испытаний бывший траулер, а ныне судно вспомогательного флота «Русалка». Команда «Русалки» промышляла морским разбоем недалеко от Диких островов, но оказалась в ненужное время в ненужном месте. Пролетавший по своим патрульным делам русский «Крокодил»³⁵ услышал «SOS» очередной ограбляемой жертвы, подошел и всадил очередь в кормовую часть «Русалки». Пираты ринулись за борт, а вертолетчики прекратили стрельбу и вызвали помощь в указанный квадрат. В результате так и не утонувший пиратский кораблик за отсутствием владельца был отбуксирован в Береговой, отремонтирован и теперь на судоремонтном заводе готовится стать авианосцем. Не «Нимиц», прямо скажем, но какое время – такие песни.

Катапульту и посадочные мачты ставили под приглядом спецов из КБ-126, которое их проектировало, а вот установкой приводного радиомаяка Егору пришлось руководить самостоятельно. Так же на нем «повисли» и строительство мини-ангара на палубе, куда помещалась пара «Альбатросов» с отстыкованными консолями, и организация поста управления, и проводка кабелей и фидеров, и обеспечение стабильного электропитания. Мотаться каждый день в Береговой было непросто, поэтому он приспособился проводить ночь, полный день и еще ночь в Демидовске, потом за полдня доезжал в порт, работал вечер, ночь и утро и с середины дня уезжал домой. При таком раскладе получалось две ночи из трех проводить с невестой, решать

³⁵ «Крокодил» – жаргонное название боевого вертолета «Ми-24».

возникающие проблемы в КБ и не запускать контроль на судоремонтном, который все равно работал круглосуточно. После того, как Егор пару раз чуть не въехал с недосыпу под грузовик, Красовский пресек это безобразие. Выделили прямой телефонный номер, на который можно было звонить с завода в КБ, и возле этого телефона постоянно кто-то дежурил. Между собой такую работу называли «тень Мятина» и назначали туда в наказание. Немного было желающих в любой момент срываться с места и искать кого-то из сотрудников, с кем Егору срочно надо было переговорить.

А еще Красовский договорился наверху и Леру тоже отправили в командировку в Береговой. Она и на самом деле что-то там паяла внутри «бэпланосца», но это был не самый главный ее вклад в укрепление обороноспособности ПРА.

Монтаж удалось закончить за месяц с небольшим. К вполне ожидаемым работам по установке оборудования добавилась куча неочевидных мелочей. Пришлось менять генераторы на двигателях на более мощные, установить вспомогательную силовую установку для снабжения электричеством на стоянке, переложить большую часть кабелей. Вдобавок к штатным топливным танкам были установлены дополнительные, втрое большего объема. Перепроектировали бытовую часть из-за увеличения численности экипажа, добавили жилых помещений, увеличили кают-компанию, кухню и кладовые продуктов. От типового, сильно заезженного сейнера остался только заштопанный корпус и восстановленные двигатели.

Заказчики не понукали, но работы контролировали непрерывно. Все требования о доставке материалов и какой-то помощи выполнялись молниеносно, только потому и удалось подготовиться к первому выходу так быстро. Похоже, морякам разведывательная информация была нужнее, чем воздух. Почти как спирт.

Для ускорения процесса договорились первые испытания начать с не полностью укомплектованного корабля. Все, что нужно для выхода в море на короткое время и для обеспечения полетов, на борту уже было. Отошли миль на пять, собрали самолет, накачали баллон катапульты и запустились. Как и раньше, на полигоне, самолет уверенно разогнался, чуть просел после схода с направляющей и пошел в набор высоты. Получил команду патрулировать вблизи, занял заданный эшелон и принялся нарезать круги.

Тем временем на корабле собрали и подняли «ловушку для альбатросов». «Русалка» развернулась носом на ветер и добавила скорости. Самолет получил команду на посадку, начал моститься в кильватер... И пролетел мимо. Раз, другой, третий... Оператор снова дал команду ждать на высоте, и все собрались на мозговой штурм.

Топлива беспилотнику хватит часа на четыре. За это время нужно найти проблему и попробовать решить. Вариантов, собственно, не так много.

Можно было бы попробовать посадить «Альбатрос» вручную. Вот только аппаратную еще не закончили и оборудование для ручного управления на корабле отсутствует.

Можно отправить самолет садиться на берегу. В Береговом нет правильного посадочного радио- маяка, придется лететь в Демидовск. Дальности, в принципе, должно хватить, если не жечь без толку горючее над морем.

Вариант три – найти и устранить неисправность на корабле. На полигоне-то все работало... Ладно, небольшой запас времени есть. Полчаса – минут сорок. Надо пробовать, как говорят в Голландии.

Через пятнадцать минут нашли незатянутый разъем на фидере, который шел к антенне радиомаяка.

Через семнадцать самолетик повис на сетке.

Через двадцать выяснилось, что топлива перед вылетом по ошибке заправили на полчаса максимум.

Все хорошо, что хорошо кончается.

К моменту, когда «Русалку» окончательно доделали и полностью оснастили, «Альбатрос» уже совершил больше десятка вылетов с корабля. И число взлетов соответствовало числу посадок. Заказчик тут же потребовал войсковых испытаний и со скрипом выделил неделю на окончательную подготовку.

Работа в ОКБ закипела. Предстояло подготовить комплект из двух самолетов, набор расходников и запасных частей как к самолету, так и к наземной станции. Приготовили даже запасную сетку для приземления, хотя изготовитель гарантировал прочность на разрыв достаточную, чтобы поймать хоть «Ан-12».

И когда уже начало казаться, что они успеют, появился новый персонаж.

– Капитан Угрюмов, – представился он и показал корочку. – Имею распоряжение проверить защищенность вашего комплекса от попадания информации в руки противника.

– Вроде как все просто. Попадает в чужие руки сам аппарат – попадает и информация.

– Это недопустимо. Я не могу выпустить комплекс на войсковые испытания за пределами территории протектората без выполнения комплекса обязательных мероприятий.

– Каких мероприятий?

– По недопущению попадания собранной комплексом информации в руки противника.

– А что можно сделать, если самолет по каким-то причинам не вернется? Не взрывать же его?

– Весь можно не взрывать. Только те узлы, которые носят гриф «секретно» и выше. И, естественно, носители информации. Да, и обязательно надо предусмотреть механизм, прекращающий полет самолета, потерявшего управление.

– Хорошо, мы подумаем. Просто сейчас мы уезжаем на испытания, а потом займемся вашей проблемой.

– Испытаний не будет, пока вы не решите проблему полностью и не сдадите систему аварийного подрыва объекта нашей комиссии.

Капитан был непреклонен, ссылаясь на какие-то секретные руководящие документы, показать которые он не может, но добиваться выполнения будет обязательно. Красовский пытался жаловаться, но заказчики распорядились соглашаться и делать. И, по возможности, побыстрее.

Проще всего решилось с носителями информации. В применяемых фотоаппаратах карточки памяти стояли рядом со штатным аккумулятором, который на борту не использовался – камеры кормились от бортового питания. Поэтому на место аккумуляторов установили миниатюрное взрывное устройство, мощности которого хватало необратимо повредить карточку. Под электронные узлы тоже заложили заряды, небольшие, но достаточно мощные. Автоматика подрыва срабатывала при попытке открыть фотоотсек, если открывающий предварительно не снял систему с боевого взвода.

Сложнее всего оказалось прекратить вышедший из-под контроля полет самолета. В плотно набитом аппаратурой фюзеляже не осталось места под достаточно мощный заряд. Крутили так и эдак, в итоге заполнили пластидом трубки, с помощью которых стыковались консоли крыла.

Комиссия по защищенности информации состояла из Угрюмова и двух немолодых старших лейтенантов. Они походили вокруг представленных макетов, поцокали языками, потыкали пальцами, потом долго листали какую-то прошитую нитками толстую тетрадь, которую принесли с собой в специальном портфеле. Кивнули и сказали, что можно начинать.

Испытывали за городом, на полигоне, где учили саперов. Видимо, раньше на этом месте был карьер, а когда песок весь выбрали, в образовавшейся огромной яме обосновались взрывники. В одном углу были расставлены посеченные околками, перекорезенные остатки техники, от джипа до бронетранспортера, в другом построены фрагменты грунтовок, асфальти-

рованного полотна и даже полсотни метров железной дороги. Вырванные куски рельсов и небрежно заделанные ямы показывали, для чего это все было нужно.

Егор вспомнил, что железных дорог в этом мире всего две или три, и усмехнулся. Интересно, Орден так же готовит своих диверсантов?

Сперва проверяли уничтожение носителей информации. В неисправную фотокамеру поместили карточку памяти и взрывоопасный заменитель аккумулятора. Положили камеру на торец врытого в землю вертикально рельса, застелили брезентом землю в радиусе метров пяти и подали команду на уничтожение. Бахнуло как-то несерьезно, словно сработала средних размеров петарда. Камера вздулась с одной стороны, ошметки разлетелись по брезенту. От карточки памяти нашли только вмятую посередине плату с осколками микросхем. Члены комиссии замерыли найденные кусочки, занесли цифры в протокол и высказали готовность смотреть дальше.

Электронный блок навигации уничтожили аналогично. Взрыв был посильнее, платы покорежило и снесло с них большую часть компонентов. Защитники секретов снова покивали и распорядились взрывать самолет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.